

A Roman soldier in a red cloak and golden armor stands on a cliff overlooking the sea at sunset. The soldier is seen from the back, looking out over a vast, rocky coastline. The sky is filled with colorful clouds, and the sea is turbulent with white waves crashing against the rocks. The overall scene is dramatic and evocative of ancient Greece or Rome.

Мариус Фонтане

**Греция (1300-480
гг. до н.э.)**

Мариус Фонтане
Греция (1300-480 гг. до н.э.)

«Автор»

2026

Фонтане М.

Греция (1300-480 гг. до н.э.) / М. Фонтане — «Автор», 2026

Книга Мариуса Фонтане (1838 — 1914) «Греция (1300—480 гг. до н. э.)» представляет собой масштабное историческое полотно, охватывающее ключевой период становления античного мира. Автор прослеживает путь от возвышения и падения Ассирии и Вавилона, пленения евреев и зарождения мессианских идей до расцвета Персидской державы при Кире и Дарии. Центральное место занимает история Эллады: автор исследует мифы, поэзию Гомера, наследие дорийцев и формирование уникальной греческой цивилизации, её искусства, религии и философии. Повествование достигает кульминации в эпоху греко-персидских войн, завершаясь героической обороной Фермопил, где столкнулись Европа и Азия.

© Фонтане М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. В тени Вавилонской башни: мир перед Грецией.	6
Глава 2. Золото и звезды Халдеи: как жил Восток.	10
Глава 3. Голоса из плена: пророки, изменившие Бога.	14
Глава 4. Всадники Ирана: рождение Персидской империи.	20
Глава 5. Мессия по имени Кир: освобождение и иллюзии.	25
Глава 6. Тир и Карфаген: финикийцы на службе Востока.	30
Глава 7. Царь царей Дарий: порядок из хаоса.	34
Глава 8. Новый Иерусалим: как Восток породил Запад	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мариус Фонтане

Греция (1300-480 гг. до н.э.)

Предисловие

Имя Мариуса Фонтане (Marius Fontane) занимает особое место во французской исторической науке и литературе конца XIX века. Он не был кабинетным ученым в строгом академическом смысле; скорее, его можно назвать блестящим эрудитом, путешественником и популяризатором, поставившим перед собой амбициозную задачу — проследить пути великих цивилизаций и связать судьбы Востока и Запада в единое полотно мировой истории. Фонтане известен своим монументальным трудом «Всеобщая история», а также серией книг, посвященных великим морским державам. Публикуемый ныне том, посвященный Греции архаического периода (1300–480 гг. до н. э.), является частью его масштабного замысла, в котором история предстает не как сухой перечень дат, а как живая драма народов, религий и идей.

Уже само оглавление книги раскрывает перед читателем оригинальный авторский метод. В то время как большинство историков XIX века рассматривали Древнюю Грецию как изолированную «колыбель цивилизации», возникшую словно из ничего, Фонтане предлагает принципиально иной, **ориенталистский и компаративистский взгляд**.

Книга начинается не с Афин и не со Спарты, а с Вавилона, Иерусалима и Персии. Автор намеренно погружает читателя в мир Ассирии, Халдеи и Мидии (Главы I–V), чтобы показать: греческий мир вызревал не в вакууме, а в тесном, порой конфликтном, взаимодействии с могучими цивилизациями Востока. Войны с персами (греко-персидские войны), описанные в финальных главах, становятся у Фонтане не просто военным столкновением, а апогеем многовекового противостояния и культурного диалога «Азии» и «Европы».

Следуя этой логике, автор подробно останавливается на так называемой «предыстории» Греции (Главы XI–XVIII). Он смело соединяет археологические данные с мифологией и эпосом Гомера, рассматривая легенды о Троянской войне, походах аргонавтов и подвигах Геракла не как вымысел, а как отражение реальных миграционных процессов, завоеваний и смены этнических групп — пеласгов, ахейцев, дорийцев. Фонтане уделяет огромное внимание колонизации, торговле и распространению восточных знаний (письменность, архитектура, астрономия) на греческую почву, доказывая, что «греческое чудо» во многом стало результатом синтеза арийских (индоевропейских) и азиатских элементов.

Отдельного внимания заслуживает подход автора к религии и искусству. Главы, посвященные пантеону (Главы XXIII–XXIV), оракулам и мистериям, написаны с привлечением сравнительной мифологии. Фонтане ищет параллели между Зевсом и восточными богами, прослеживает эволюцию представлений о загробном мире от мрачного Аида до Элизидума, анализирует зарождение философии и театра из религиозного культа.

Книга Фонтане, созданная в эпоху расцвета позитивизма, несет на себе отпечаток своего времени: иногда автор излишне доверяет античным источникам, а его деление народов на «арийцев» и «азиатов» отражает терминологию науки той эпохи, которую не следует путать с идеологией XX века. Однако это нисколько не умаляет ценности труда.

Перед нами — увлекательное и детальное повествование, которое ведет нас от стен Вавилона и пророчеств Исайи к спартанским законам Ликурга, от торговых путей Финикии к маратонской битве. Это эпос о рождении Запада, рассказанный человеком, который видел историю как единый, непрерывный поток. Для современного читателя, привыкшего к узкой специализации, этот труд станет настоящим откровением, позволяющим увидеть Античность в ее подлинном, глобальном масштабе.

Глава 1. В тени Вавилонской башни: мир перед Грецией.

Навуходоносор, царь Ассирии. — Разрушение Иерусалима и разграбление Тира. — Кир, мессия. — Евреи, возвратившиеся в Халдею. — Азиаты и арийцы. — Вавилон Навуходоносора: стены, храмы, дворцы. — Общественные работы. — Ассирийцы и вавилоняне. — Каста халдеев. — Народ. — Монарх Ассирии.

ЦАРЬ Ассирии, помазанный елеем жрецами Халдеи, неспособный противостоять персам на востоке и, однако, вынужденный побеждать, Навуходоносор отправил Навузардана к западу от Вавилона, в Израиль, чтобы разрушить там священный город иудеев.

Падение Иерусалима, взятого ночью, стало для народов сигналом к празднеству: «О разрушении святилища, — говорит Иезекииль, — Аммон воскликнул радостно, равно как и Моав; вся Филистия возликовала». Малодушно Иеремия бежал в Египет, после того как провозгласил всемогущество Вавилона.

Под вавилонским игом, с опущенной головой, но более освобождённые, чем пленённые, пророки Израиля, помышляя о реванше, уже готовили своё торжество. Они смотрели в сторону востока и видели, как в заре дня славы, грядущего освободителя: «Кир выступает для дела своего», — говорит Второисаия. — Иудеи, переселённые в Вавилон, с открытым слухом внимали, ожидая избранника Иеговы, Кира, спасителя, мессию.

Великая мечта Авраама завершилась, таким образом, поражением. Евреи, люди из-за реки, некогда вышедшие из Ура с безмерными вожелениями, мечтавшие о господстве над известным миром, возвращались к исходной точке, в Халдею, убеждённые в собственном бессилии и пресыщенные безнравственностью.

Поверженные во всеобщее презрение, Иерусалим и Самария более не существовали; мерзости народа Божьего во всеуслышание обличались самими пророками, взявшими наконец верх над левитами, священниками и царями. Наби (пророки) имели лишь одну мысль — заново перестроить всё устройство иудейского народа и самонадеянность — в этом преуспеть.

Хотя и изолированный, теперь, когда он один представлял всю Ассирию, Вавилон принял в свои стены побеждённый народ, не смущаясь его наглостью, не заботясь о его честолюбии. Совершенно недалёкий Навуходоносор, оставивший Ниневию, опустошённую мидийцами Киаксара (606 г.), ордам туранцев, смешанных с монголами, отдавал собственное управление иудеям, которых считал покорными.

Вавилон Навуходоносора, усовершенствованный соприкосновением со столь терпимыми египтянами и столь справедливыми иранцами Персии, вновь погружался в халдейскую грязь. Кир, этот великий ариец, слишком добрый, деморализованный, станет безвольным, и его преемники, и вожди восстановленной Азии, во всеоружии, весьма сильной, двинутся против формирующейся арийской Европы.

Азиат из Халдеи — еврей, израильтянин, иудей, — потерпевший поражение повсюду, и которого тогда было бы так легко окончательно сокрушить, воспрянет вновь, укрепитя в самоуверенности, возобновит свои интриги, опьянится своими притязаниями, продолжит своё гнусное дело.

Разрушив Иерусалим, разграбив блистательный Тир и подчинив Ливан, Навуходоносор возвратился, увенчанный славой, с намерением воздвигнуть Город более величественный, чем Фивы, более вселенский, чем Иерусалим. Бесчисленные пленники царя Вавилона сделали из Вавилона сначала укреплённый лагерь, пышный, защищённый двумя стенами, а когда владыка

начертал, с расчётливым тщеславием, план царского города, он наполнил его памятниками — новыми, перестроенными или украшенными.

Даниил воспеваает деяния Навуходоносора; Геродот говорит о них с восхищением; Роулинсон, спустя двадцать четыре столетия, всё ещё восхваляет их громадность. Великая защитная стена имела сто бронзовых ворот. Два главных квартала составляли город, который пересекал Евфрат, быстрый и глубокий. Дома, высотой в три и четыре этажа, образовывали кварталы, прорезанные прямыми улицами, идущими к реке или следующими вдоль её течения в правильной параллельности. Замкнутая стена простиралась за пределы застроенных кварталов, ибо включала обширные возделанные пространства, предназначенные для выдерживания осад.

Дворец царя, основания которого были заложены на мягком грунте Набопаласаром, супругом египтянки Нитокрис, был завершён Навуходоносором, прочно, с использованием битума и кирпича, толстых кедровых балок и железных скреп. Глазурованные кирпичи и драгоценные камни украшали тяжёлое сооружение, тёмно-серое, унылое на вид.

Город был лагерем; дворец — казармой и одновременно укреплённым складом: «Я собрал там, — гласит надпись, продиктованная царём, — серебро, золото, металлы, драгоценные камни всякого рода и всякой ценности, собрание ценных предметов, несметные сокровища; я разместил там доблестную когорту, гарнизон царственности».

На берегу реки, но внутри стен, Навуходоносор повелел воздвигнуть для царицы Амитиды, мидийской по происхождению, нечто вроде земляной горы с широкими уступами, с дерзновенным пандусом, и засадить её деревьями. Рощи на вершине, цветущие, ещё освещённые последними отблесками заката, в то время как тень окутывала основание сооружения, представляли глазам, смущённым сумеречной дымкой, как висячие сады.

Царь повелел восстановить для бога Бела-Меродаха, чей оракул стал знаменитым, ступенчатую пирамиду, скрывающую его гробницу. Башня древнего Вавилона, находившаяся в Борсиппе, стала одним из главных памятников нового города, и отныне это был Храм Бела, башня семи небесных сфер, семярусная башня. — «Люди, — гласит надпись, — покинули её со дней потопа, произнося слова свои в беспорядке; землетрясение и молния рассекли обожжённый кирпич облицовки; сырцовый кирпич массивов обрушился, образуя холмы». Каждый из семи ярусов, ведущих к часовне богов, имел облицовку разного цвета: чёрную, белую, пурпурную, синюю, алую, серебряную и золотую. «При восстановлении храма, — гласит надпись из Борсиппы, — я не тронул местоположения, я не повредил оснований, я опоясал ярусы галереями, я обновил круговой пандус; как прежде, согласно задуманному плану, я восстановил здание».

Стена охватывала три города: Вавилон, Борсиппу и Куту. Местные божества, присоединённые, были удовлетворены. Навуходоносор умножил храмы. Лев Нергал, бог Куты, получил своё святилище, как и Билит Царпанит, богиня горного города, сердца Вавилона; и Нево, верховный правитель, бог, дарующий скипетр; и Син, внушающий суждение; Самас, судья мира; Бин, владыка изобилия, раздаятель бурь, распоряжающийся пророческой молнией; богиня Нана, радующая душу и укрепляющая её; Адар-Самдан, сокрушающий оружие врагов...

Для обогащения торгующих вавилонян Навуходоносор завершил строительство набережных, обуздывающих Евфрат; он вернул водам «царский канал» Хаммурапи, который был засорён; он повелел выкопать огромное озеро близ Сиппары, чтобы обеспечить и упорядочить орошение равнин; он проложил многочисленные оросительные каналы и создал порт Тередон (Кар-Дуньяс), предназначенный преимущественно для иудеев, в устье реки.

Долгая историческая борьба между Ниневией и Вавилоном, завершившаяся, уничтожила или по крайней мере поколебала партикуляризм двух великих азиатских городов; в результате возникла как бы общая цивилизация, ассирийская, достаточно отчётливо выраженная.

Эта цивилизация, весьма учёная, должна была получить новый элемент: иудейский дух.

От Персидского залива до Армении, от Нижней Халдеи до самого крайнего севера Месопотамии, основополагающие и существенные стороны человеческой жизни смешались, уравнились; различные расы, самые несхожие, в полном соприкосновении на всём протяжении двойной долины, вступали в общность языка, религии, нравов, литературы и изящных искусств.

Простонародье Нижней Ассирии само собой разделилось на касты: купцы, ремесленники, земледельцы и рыбаки. Последние, жившие на иле, образующем дельту Халдеи, желтолицые и зябкие, слишком слабые, составляли презируемый мир; барельефы изображают их устроившимися на плотках, покрытых землёй, — широких плавучих островах на стоячих водах низменной страны. На другом конце общественной лестницы, наверху, находились «халдеи», замкнутая группа, не кичившаяся никаким правом происхождения.

«Каста» халдеев, преобладающая, господствующая, жреческая, которой Навуходоносор был помазан на царство, владычица богов, а следовательно, и людей, не была привязана к земле; она жила в Вавилоне как в центре университета, простиравшегося за все границы. Эти халдеи, поразительно образованные, необычайно искусные, более обольстители, чем деспоты, основали великие школы, уже знаменитые, которые сохранялись на протяжении веков, несмотря на все потрясения.

Ассириец времён Навуходоносора, в общем представлении, был скорее невысокого роста, с короткими конечностями, крепкими и мускулистыми. В армии преобладал этот тип, несущий в себе тяжёлую надменность туранца и неутомимую жестокость азиата. Близ Ниневии жил тогда опасный ассириец, гораздо более азиатский, с крупным горбатым носом, бесстрашный, свирепый, любящий кровь и грабёж, но верный своим князьям, деятельный, упорный и весьма смыслённый. Вавилонянин, с более требовательной цивилизацией, весьма культурный, оставил руины Ниневии гнусным азиатам, привлекая к себе арамея, который пришёл и дал свой язык — сирийский диалект — людям Израиля и Иуды. В Вавилоне организовались властители, способные управлять, руководить, сдерживать простонародье, «прекрасные мужи, все сатрапы и вельможи, всадники и советники», — говорит Иезекииль.

Эта аристократия считала себя до такой степени высшей, что не видела вне себя никого, кроме слуг, взбунтовавшихся, которых надлежит укрощать, и пригодных к использованию.

Руины Иерусалима ещё дымились, а Навуходоносор, не колеблясь, уже взял в министры пророка Даниила и поручил трём другим иудеям надзор за строительством царского города. Товия при Асархаддоне был разъезжающим поставщиком ассирийского монарха.

Вавилонянин, человек царского города, по существу своему самодовольный, выставлал напоказ чувство своей знатности, ходил, держа в руке жезл власти, имея на поясе цилиндрическую печать, в тонкой гравировке сообщавшую его имя, имя его отца и имя его бога: это был герб. Народ избегал эксплуатации знати благодаря праву обращаться к государю, подавать прошения, требовать справедливости. Царь, деспот, но всего лишь человек, не причастный, следовательно, как в Египте, к делам божества, утверждал себя проявлением своих беспощадных милостей. Всё следовало страшиться, когда монарх впадал в гнев, и всё было дозволено разгневанному монарху, ибо он имел в виду лишь благо людей. Царь молился богам, как все, смиренно; но все, перед великолепным царём, восседающим на троне или стоящим на колеснице, увенчанным конической тиарой, облачённым в длинную одежду с бахромой, отяжелённую золотом и самоцветами, расшитую звенящими жемчужинами, громадными, украшенным сверкающими драгоценностями, носящим серьги и браслеты, — все должны были унижаться: «Он целует стопы моего царского величества, — гласит надпись Ашшурбанипала, — и бородой своей метёт землю».

Царю Ассирии было безразлично, правит ли он халдеями, вавилонянами или ниневийцами, лишь бы у него были люди под его началом, воины под его приказами и рабы, внимательные к удовлетворению его желаний. Наместник богов на земле, облечённый, по крайней

мере в теории со времён Ашшурбанипала, двойной властью — светской и духовной, — монарх в Вавилоне, по-видимому, никогда не верил в своё всемогущество. Жреческая каста халдеев властвовала над царём, поскольку сам Ашшурбанипал признаёт себя подверженным греху: «Да будут изглажены мой проступок, — гласит царская надпись, — и мои грехи, и да обрету я примирение с Богом, ибо я раб силы Его». Но сила Бога всецело находилась в распоряжении древних жрецов Бела.

Обиталище царского великолепия, дворец, настоящая цитадель, был полон евнухов, охранявших многочисленных жён царя и участвовавших в деяниях власти. Множество чиновников со строгой иерархией значительно стесняло монарха. Бесчисленные писцы составляли в городе в мирное время, в лагере во время войны, учёную и сложную бюрократию. Необходимость ясно изъясняться с различными народами Ассирийской империи привела к созданию разных канцелярий. На трёх основных языках издавались постановления, передавались приказы. Административные архивы, громоздкие, накапливались. Переписка с сатрапами по управлению провинциями и разнообразными местными администрациями, сбор налогов, отправка дани и воинских контингентов требовали регламентов, имеющих силу закона и связывающих монарха; так что в действительности царь царей, восседающий в Вавилоне, которому великие и малые расточали знаки самой полной покорности, был рабом ревливой бюрократии, которая надзирала за ним, истолковывала его письменные волеизъявления, порой сопротивляясь приказам государя.

Царь сохранял свой авторитет, своё влияние лишь ослепительной пышностью своего правления и ужасающей суровостью своих приговоров. Великий судья, он вершил свои суды с устрашающей быстротой; и палачи исполняли его приговоры лишь с утончёнными пытками. Смертная казнь, выносимая часто, означала распятие, посажение на кол или сдирание кожи. Обезглавливание было милостью. Трупы казнённых, лишённые погребения, отдавались бродячим животным. Изувечение одного или нескольких членов, в качестве частичного наказания, было обычной карой. Монарх охотно выкалывал глаза своим личным врагам. Эти зверства держали в страхе воинов, знать и жрецов.

Народ, слишком смешанный из различных рас, чтобы подчиняться какому-либо порыву стихийного сопротивления, принимал эту власть, которая, впрочем, защищала его от злоупотреблений халдейской аристократии.

Ко времени падения Иерусалима деспоты Вавилона, вопреки жрецам и вопреки воинам, правили почти без тревог.

Глава 2. Золото и звезды Халдеи: как жил Восток.

Вавилоняне. — Рабы. — Семья. — Полигамия. — Браки. — Праздник лета. — Царь. — Земледелие, промышленность и торговля. — Торговые пути. — Четыре страны. — Кредит и переводные векселя. — Высокие должности, доверяемые торговцам. — Двор. — Военная иерархия. — Добыча. — Каста халдеев. — Халдейская наука. — Археология. — Повествование о происхождении. — Халдейский пантеон. — Религия. — Жрецы.

НИЖЕ народа Вавилона, защищаемого царём, существовал мир рабов. Несостоятельный должник становился собственностью кредитора; пленники принадлежали победителям, которые распоряжались ими всевозможными способами; на общественных рынках чужеземцы — главным образом люди с Кавказа — выставляли на продажу даже своих дочерей и сыновей.

О жизни народа монументальные творения Ассирии говорят мало: барельефы прославляют лишь деяния царей. Однако известно устройство семьи, всецело азиатское, то есть основанное на абсолютной власти отца, мужчины, без каких-либо гарантий для женщины или ребёнка. Муж мог отвергнуть жену, а в известных случаях — распорядиться её жизнью. Полигамия, чрезмерная, ибо победоносные войны и прибыльная торговля приносили вавилонянам большие богатства, развращала нравы. Гарем монарха имел значение государственного учреждения.

Вероятно, в Нижней Халдее общность жён ещё существовала, тогда как в Вавилоне обилие белых рабынь, доставленных с севера, порождало противоположное зло — слишком раннее удовлетворение плотских желаний, пренебрежение к законным союзам и оставление взятых в жёны женщин. Жрецы боролись с этим, объявляя святотатством отчуждение принесённых приданых, между тем как цари своими указами повелевали заключать браки. Ашшурбанипал повелел освятить ограду, куда приводили для соединения юношей и девушек. Эти союзы совершались под взглядом бога Нисроха, весьма торжественно. Назначенные вавилонянки приходили показать себя вавилонянам, которые оспаривали друг у друга на торгах тех, кого красота делала примечательными. Геродот утверждает, что выручка от этих торгов служила для составления приданого женщинам, оставшимся без мужей. На просверленной оливковой косточке из обожжённой глины распорядитель браков вырезал имя девушки, имя купившего её мужа и дату покупки.

Вавилон, в сущности, был лишь лагерем, местом разгула. Каждое лето главный праздник состоял в том, что рабам позволяли повелевать в течение пяти дней, в то время как некий презренный господин, избранный самими рабами и облачённый в царскую мантию, принимал от вавилонян царские почести. Это те самые знаменитые сакеи, о которых говорят греки.

Однако эти публичные браки, как и эти грубые увеселения, выходят за пределы чисто азиатского: в первой церемонии присутствует договор об обязательстве; в этой народной шутке, серьёзной, длящейся пять дней, есть отвага. Не были окончательно развращены те юноши, что шли выбирать себе невесту и оспаривать её любовь; и не были ещё слишком изнеженными те господа, которые так рисковали каждый год, спуская с цепи своих рабов, последствиями подобного потрясения. Чувствуется близость арианизированного Элама в этом смотре дев, и, несомненно, есть туранская дерзость, несколько тяжеловесная, но доблестная, в этом риске, на который шли воины, бросая вызов своим пленникам, — как было нечто египетское в конце вавилонской жизни в распространённом обычае бальзамирования мёртвых.

Вавилон, действительно, стал гораздо менее азиатским. Монарх правит там как фараон, желая, чтобы его город был чудом, покровительствуя земледелию, заботясь о приумножении стад, выставляя напоказ роскошь, которая побуждала промышленность, заботясь прежде всего о торговых оборотах, благодаря которым Вавилон непрестанно умножал свои богатства.

Ассирийские ткани, уже прославленные, с удивительными вышивками; металлы всех видов, искусно обработанные; инкрустированная мебель и чеканные сосуды из бронзы, серебра и золота; длинные металлические пластины из искусного сплава, украшенные фризами, на которых художник выбивал сюжеты; тонкие ювелирные изделия, расписная керамика и стеклянные изделия; эмалированные кирпичи — настоящие картины, изображающие сцены войны или охоты, представляющие божеств или героев; шерстяные и льняные ткани, одежды и ковры, оружие и доспехи, амулеты из камня, слоновой кости, бронзы — всё это составляло главный предмет вавилонского вывоза. А вавилоняне получали взамен, в обмен, вместе с железными и стальными орудиями, приходившими с Кавказа, окрашенные пурпуром ткани, стеклянные изделия и резную слоновую кость финикийцев, кисею из Египта и — через Персидский залив на юге, Тигр и Евфрат на севере, караванами с востока и запада — вина Армении, тёплые и богатые одежды Ирана, знаменитых бактрийских псов, изделия Индии, кошениль с Цейлона, быть может, шёлка Китая, благовония и пряности Аравии, золото, слоновую кость и чёрное дерево Африки. Весьма плодородная почва Халдеи давала высоко ценимые злаки.

Иезекииль говорил о Халдее: «Это страна, где процветает торговля»; и о Вавилоне: «Это великий торгующий город». Плоты, поддерживаемые рядами надутых бурдюков, отданные течению рек, приносили вавилонянам по Тигру и Евфрату произведения севера Месопотамии, Армении и Кавказа. Сдутые бурдюки и разобранные брёвна плота доставлялись обратно к истокам рек караванами.

Сухопутные дороги лучами расходились от Вавилона. Одна шла к Экбатанам, бывшим тогда столицей Мидии, продолжалась к Рагам, проходила через Каспийские ворота, достигала Арии, где разделялась на две ветви, ведущие, с одной стороны, в Бактрию, с другой — к Индии. Второй главный путь сначала следовал вдоль Евфрата, а затем, на западе, отходил от него, приводя к берегам Средиземного моря. Третий вёл прямо в Сузы, проходил через Армению, пересекал Евфрат, вступал в Каппадокию и заканчивался в Сардах, в Лидии. Вавилон был в точности центром весьма деятельного мира.

Первые обитатели Ассирии уже разделили землю на четыре великие страны, за пределами которых не было более ничего. Они различали народы: ахарри, или люди, находящиеся позади солнца, на западе; эламти, или люди передней стороны, на востоке, на Востоке; гути, или люди северо-востока, чьё существование было баснословным и которые включали людей страны Аралу, или страны золота; на юге, наконец, помещалась страна Кубур, за Персидским заливом. Владыка Ассирии, складывавшейся в империю, или страны Аккад, утверждал себя как владыка этих областей, известных или предугадываемых, и смело именовал себя Царём четырёх стран. Эта идея господства была устойчивой; самые дерзкие предприятия становились простыми, логичными, неизбежными в умах тех, кто повсюду считал себя в своих владениях.

Древний царь Гудеа говорит о золотых рудниках Ливии, или Эфиопии, и о произведениях Египта, которые он складывал в Сиртелле; моряки Халдеи с самых ранних времён совершали плавание вокруг всего Аравийского полуострова; царь десятого века до нашей эры прямо упоминает жёлтый янтарь с Балтики, ввозившийся в Ассирию, вероятно, по Висле, Бугу и Днепру, тогда как финикийцы, со своей стороны, морем привозили в Азию олово с севера Европы.

Ассирийская империя, сведённая и централизованная теперь в Вавилоне, стремилась развиваться в торговом отношении. Крепкая туранская честность и дотошный египетский порядок хорошо сочетались с халдейской деятельностью — нетерпеливой, лихорадочной, весьма искусной. Кредит ассирийских торговцев, в самом современном смысле этого слова, был чрезвычайно прочен повсюду; именно в Ассирии, и по этой причине, между девятым и седьмым веками до нашей эры проявился существенный элемент кредита — переводной вексель, глиняная табличка, которую обжигали после нанесения на неё оттиска представляемого ею поручения, становясь таким образом ценностью. Те, кто ради надёжности своих обещаний, верного исполнения своих обязательств придали Ассирии такое значение, делали честь народу,

к которому принадлежали. Цари Вавилона доверяли торговцам высокие должности казначеев и управителей царских доходов. В развалинах Ассура банковские и торговые таблички находят на том самом месте, где стоял дворец.

Но истоки империи тяготели над её судьбами; Ассирия была создана воинами, и воины сохраняли в ней своё преобладание. Обогащение через торговлю прельщало умы менее, чем зрелище длинных барельефов, на которых скульпторы Хорсабада изобразили длинные вереницы побеждённых, предводительствуемых музыкантами и несущих огромную добычу. Каста халдеев, жреческая, весьма учёная, эксплуатировавшая свою науку, привила ассирийцам особый вкус к занятиям, происходивший от Египта, очевидно, в смысле метода, и превосходно применённый царскими магами, чистыми азиатами. Библиотека Ашшурбанипала, которая будет вечным изумлением человечества, была создана жрецами Халдеи: «Они открыли царям, моим предшественникам, — гласит надпись монарха, — эту клинопись, и это есть откровение бога Нево, бога высшего разума; я записал её [эту явленную письменность] на табличках, я подписал её, я расставил её, я поместил её в моём дворце для наставления моих подданных». Бог Нево — это здесь египетский Тот, изобретатель письмен, Гермес греков.

Эта библиотека Ашшурбанипала, несравненный памятник, свидетельство интеллектуальной Ассирии, говорит об усилении упорядочить литературный язык — заботе прежде всего жреческой, — о необычайном усердии халдеев в познании вещей через накопление фактов, через собирание материалов. Перечень известных растений и минералов, материалов, необходимых для ремёсел, превосходно классифицированных, чётко определённых, с двойным — простонародным и научным — значением, обнаруживает глубокое знание предметов. Казалось бы, располагая такими документами, халдеи должны были оставить нам трактаты по практической науке; напротив, авторы того, что можно назвать обширной ассирийской энциклопедией, по-видимому, пренебрегли использованием своих трудов. Медицина, отданная народу, не существовала; астрономия, столь передовая тогда, что мы лишь продолжатели халдеев, служила только для эксплуатации князей и народа, ибо астрономы оставались астрологами, прорицателями, магами или волшебниками; археология, наконец, несмотря на весьма усердные изыскания и открытия, привела лишь к составлению кратких перечней с беглым указанием главных событий.

Халдейская наука таилась; жрецы раздавали её лишь в той мере, в какой раздающий усвоенные знания вызывает восхищённое изумление. Космогония, измышленная этими магами, удовлетворяла воображение. Книги Оаннеса содержали истинное повествование о происхождении. Зарождение мира уже заключено в халдейской триаде — Оаннес, Ао и Бел. — Несотворённая материя лежит в первозданном хаосе; разум и слово одушевляют и оплодотворяют материю; demiург, который её упорядочивает и организует, сливается со своим творением, смешивается со становлением, которое он осуществил. — «Было время, — гласит священный текст, — когда всё было тьма и вода, и в этой воде зародились чудовищные животные, рождённые самопроизвольно...» Перечисление чудовищ, вышедших из первозданного хаоса, приписывает их образование богине Тааут, которую Бел застигает врасплох и рассекает надвое: одна часть рассечённого тела становится землёй, другая — небом... а существа, жившие в этой женщине, исчезли. Бел, только что совершивший своё жертвоприношение, убил себя собственной рукой, и прочие боги, замесив его кровь с землёй, породили из неё людей, которые потому наделены разумом и причастны божественной мысли. Животные, населяющие землю, родились из другой пролитой крови. Важное здесь — это жертва, пролитая кровь, люди, рождённые от смерти бога, — идея по существу азиатская, которая с тысячью легенд оправдывает самые соблазнительные ужасы.

Выражение халдейских божеств ускользало от народа, но культ с его посвящениями и явленными символами обеспечивал власть жрецов. Смутность мистических данных, образующих халдейский пантеон во времена царствования Навуходоносора, ещё позволяет уловить

работу астрологов; всё в конечном счёте сводится к звёздному миру. Каждый город сохранял своего местного бога, и никакое сочетание, казалось, не могло уничтожить эту веру. Каждая группа внутри города упорствовала в своём особом поклонении. Обычаи жреческой касты одолевали все умы страхом; сила магических чар, крики заклинаний, прерывистые призывания, формулы отречения или отрешения стали всеобщими, принятыми.

Жрецы делились на писцов, составителей гороскопов, магов и заклинателей. Они пророчествовали публично. Их глава — архимаг — правил в отсутствие царя. Собственно религия в Ассирии, даже в Халдее, появилась лишь после завершения жреческой организации. Великий страх перед потусторонним, ставший главным побудителем, пришёл из Турана вместе с представлением о преисподнем мире, реальном шеоле, под водами. Тогда культ стал общественным, и храмы наполнились верующими, приносящими дары и читающими мольбы. Вавилонские обряды проистекали из чрезмерного натурализма; бесстыдство жрецов, ставших наконец хозяевами народа, перешло все пределы. «Случается иногда, — говорит Варух, — что жрецы этих богов похищают у них золото и серебро и употребляют их для самих себя. Они отдают их бесстыдным женщинам, которых содержат, и после того как эти женщины возвращают им это, они снова украшают ими богов». Или ещё: «Жрецы продают приношения и распоряжаются ими, как им угодно; их жёны также берут из них всё, что хотят, и откладывают про запас, ничего не давая бедным и нищим». — «Видишь также у них женщин, связанных гнусными обетами и шнурами, которые служат их символом. Они сидят у дорог, сжигая для своих богов оливковые косточки».

Таков был Вавилон, когда Навуходоносор переселил туда из Самарии и Иерусалима побеждённых израильтян и иудеев.

Глава 3. Голоса из плена: пророки, изменившие Бога.

С 606 ПО 538 ГГ. ДО Н. Э.

Иудеи в Вавилоне. — Халлат и Тередон. — Даниил и Иов. — Иезекииль в Каркемише. — Его дело. — Лжепророки. — Иерусалим Иезекииля. — Жреческая каста. — Священники и левиты. — Бог и культ. — Иудейская мораль. — Новый кодекс. — Исаия II. — Его дело. — Новый Иегова. — Кир, мессия.

БОЛЬШОЕ число иудеев, переселённых в Вавилон, обосновалось в Халлате, светской части царского города, со своими судьями и наби (пророками); другие, по совету Иеремии, отправились жить, расти и размножаться в устьях Тигра и Евфрата, в Тередоне. Навуходоносор не тревожился об этих пленниках, наложив на каждого лишь обязательство принять новое имя. Поскольку переселенцы были отобраны главным образом из богатых и влиятельных семей Иерусалима, среди тех, кого халдеи считали колонистами, возникло весьма интересное интеллектуальное движение. Мягкость плена всё более привлекала в Халлат и Тередон иудеев, которые могли бы избежать переселения. Знать Израиля, впрочем, открыто проповедовала покорность царю Ассирии. «Вот что говорит Господь, — восклицал Иеремиа, — склоните голову, чтобы служить царю Вавилона!» Навуходоносор вскоре стал выбирать своих лучших советников из пленников: Даниил, чью оболстительную любезность восхваляет Иосиф Флавий, Аняния, Мисаил и Азария, превосходившие магов учёностью.

Всеобщий вкус к литературным занятиям доставлял иудейским поэтам, умевшим писать, известный авторитет; но никто уже не верил в пророчества. Понадобилось, чтобы однажды из Каркемиша пришёл Иезекииль, почти неизвестный, окружённый престижем древней славы, — лишь тогда его слова были услышаны, да и то наби новых времён остерегался говорить публично. «Отныне, — писал Иезекииль, как бы подготавливая свою проповедь, — не будет более лживого пророчества и обманчивого гадания в доме Израилевом».

Лжепророков было в изобилии: одни измышляли грядущие славы, другие оплакивали в нежном ритме потерянный Иерусалим. Дерзкая искусность этих певцов была весьма велика; Даниила в этом отношении любопытно читать — настолько возвешение им грядущего превосходит обычную меру реальности. Полагают, что именно в это время автор книги Иова принялся хулить Иегову.

В древней, столь развращённой халдейской столице побеждённые, пленники с каждым днём всё более становились хозяевами; настолько, что уже через несколько лет после падения Иерусалима (598 г.) Иезекииль, содержащийся в Каркемише, осмелился сформулировать новое устройство. — Народ слушал поучения Иезекииля, приятные для слуха, но не применял их: «Ты, — говорит наби, указывая на себя, — ты как приятная музыка, как прекрасный голос, как искусный игрок; они слушают слова твои, но не исполняют их».

Иезекииль говорил мало. Он ходил по равнинам, измеряя величие горизонтов, проникаясь величием Вечного, и затем записывал свои мысли, медленно собранные. Он, без сомнения, мало рассчитывал на поколение, которое лелеял Навуходоносор, но был уверен в падении Вавилона, в жизнеспособности иудеев и готовил торжественное избавление своего народа.

Его дело, как точно было сказано, стало хартией иудейской теократии. Он желал восстановления Израиля через бесспорное возвышение священника, приписывая неуспех первых времён постоянному антагонизму жрецов и наби. Царь в этой системе был лишь покровителем: «И поставлю над ними единого пастыря, который будет пасти их». Вера Иезекииля была могучей; воображение увлекало его к крайностям. Весьма молчаливый, живший вне мира, он перевозбуждался, и речь его, обычно энергичная, часто неправильная, даже грубая, поражала умы, волновала совести с тем красноречивым напором, который исключает всякое возражение.

Его прямодушие было до того очевидным для всех, а труд его представлялся до того чудовищным, что никто не осмеливался его оспаривать. В весьма тесные пределы своей теоретической организации — священство, вождь, кодекс — он вместил всё возможное, ничего не упустив; и это успокаивало.

Обличая смущающие божества, дурно определённые или соблазнительные, как идола, привезённые из Египта, которым слишком усердно кадили, как обольстительный сирийский Адонис и великое утреннее солнце, которому поклонялись у ворот храма, он провозгласил единство Бога, Иеговы, и взял на себя роль вершителя правосудия, сына человеческого, поставленного стражем перед домом Израилевым. — «Нечестивый умрёт за грех свой, — сказал ему Вечный, — но кровь его Я взыщу от руки твоей».

Поэтика убеждённого наби не знает границ; он всецело во власти своего пылкого воображения. На месте нового Иерусалима и в его окрестностях он видит, как растут всякого рода плодовые деревья, чья листва не увянет и чьи плоды не истощатся; и обещает иудеям чудесные рыбные ловли в озёрах, которые будет питать вода святилища. Затем он с обескураживающей дотошностью даёт весь план нового храма — от Святой Святых, пышного, до «кухни, где служители будут варить жертвы народа», — с точными, священными мерами. Иерусалим, ненавидимый и одинокий, Иезекииль возвещает воссозданным, славным веками.

Эта слава будет делом жреческой касты, к которой принадлежит Иезекииль; но это будут новые священники, а не как прежде — священники буйные, оскверняющие святыни, которые были «как волки, терзающие добычу, проливающие кровь и губящие людей ради обогащения». Всецело преданный своей теории, он отдаёт Израиль священникам, воображая, что, создав эту власть, он сумеет её упорядочить. Пользование этой монополией закреплено за сынами Садока, что довершает отделение левитов от жрецов — различие, которого не знал Второзаконие. Левиты, приставленные к содержанию дома Господня, как рабы, и обритые, подобно египетским жрецам, будут неспособны видеть божество.

Иезекииль всецело распоряжается новым Иерусалимом, который он замыслил; он распределяет свою мечту между двенадцатью коленами, как вначале, и, не заботясь об оврагах и холмах, нарезает наделы равными параллелограммами.

Бог Иезекииля, спокойный, невозмутимый, проявляет себя странно; он окружён причудливым, почти фантастическим двором, составленным из ангелов и воплощённых символов. Его Иегова — владыка то кроткий и благой, то гневный и требовательный; воздающий каждому по делам его и безжалостно грозящий заблудшим: «Я Сам буду пасти овец Моих... потерявшуюся отыщу, угнанную возвращу, пораненную перевяжу, больную укреплю, а тучную и буйную истреблю». Этот бог-властитель требует ниспровержения идолов и покорности царей: «Теперь они удалят от Меня идолослужение своё и трупы царей своих, и Я буду обитать среди них веками».

В сущности, Иезекииль возвращается к древней традиции; он прямой потомок Самуила, вполне иудей, обычно деспот, порою безумец. Многие из его предписаний будут оставлены как обременительные, и, по логике вещей, вопреки своему основателю, жреческая каста присвоит себе в лице первосвященника деятельную власть, которой наби хотел избежать. Культ, урегулированный Иезекиилем, сохранится, несмотря на свои часто нелепые подробности, со своими всесожжениями, приношениями и доходами; и его преемники упрочат это богатство, введя обязательную десятину и допустив выкуп повинностей деньгами, чего пророк не вполне установил. Доля каждого будет определена: столько-то священнику, столько-то левиту, столько-то певцу.

Дерзость, горячность и дурной вкус Иезекииля доказывают его одиночество. Его мысль, грубая, затемняется торопливыми формулами, краткими, незавершёнными, или теряется до скуки в серости банальной фразеологии; но в любой миг удачный образ, яркий, новый оборот встряхивают внимание, оставляя в уме как бы след удара бича. Иезекииль хочет быть услышан-

ным, и ничто его не останавливает; он будет смешным или даже непристойным, если нужно, лишь бы его услышали, и его риторика оставила нам чудеса непредвиденного, шедевры построения.

Невозможно быть более евреем, более азиатом, более иудеем, чем был Иезекииль; и всё же лёгкий ветер Ирана коснулся его, оздоровил. Он запрещает своим священникам есть нечистое мясо, прикасаться к трупам, упиваться вином; приказывает им стричь волосы, жениться лишь на девах или вдовах священников; он как будто отвергает посвящение елеем и кровью первых жрецов и учреждает очищение водой; перечисляет случаи осквернения перед алтарём и на засеянном поле. Его реформа расшатывала старый Моисеев кодекс, и он сам говорил об этом: «Так дал Я им постановления недобрые, — признаёт Вечный устами Иезекииля, — и повеления, от которых они не могли быть живы». Он сохраняет страшную кару возмездия, но заимствует у Зороастра, вместе с великой иранской моралью, исповедание грехов, ведущее к отпущению, уважение к очистительным огням и личную ответственность: — «Душа согрешающая, та умрёт. Кто праведен, кто творит суд и правду, кто не участвует в пиршествах на высотах, кто не обращает взоров к идолам дома Израилева, кто не бесчестит жены ближнего своего, кто не прикасается к женщине в её нечистоте, кто никому не делает обиды; кто возвращает должнику залог, кто не совершает хищения, кто отдаёт хлеб свой голодному и одевает нагого, кто не даёт в рост и не берёт лихвы, кто удерживается от всякой неправды, кто судит по истине в тяжбе между двумя людьми, кто знает Мои заповеди и верно соблюдает Мои законы, — тот праведен, и он будет жив, слово Господа, Вечного».

Иудейская мораль всё ещё видела в качестве цели лишь непосредственные наслаждения. Благословение Господа нисходило на материальные блага праведника как залог. Великой, высшей и почти единственной наградой было обогащение, посредством которого иудей надеялся господствовать над миром и эксплуатировать его: «Вечный откроет тебе Свои житницы изобилия... дабы ты мог давать займы многим народам, сам не нуждаясь в займах». Наказанием, следовательно, было разорение: — «Проклят ты будешь в городе, проклят ты будешь в поле; проклята будет корзина твоя и квашня твоя; проклят будет плод чрева твоего и плод земли твоей; коровы твои и овцы твои будут бесплодны; проклят ты будешь во всех предприятиях твоих». Окончательным, ужасающим проклятием была угроза обогащения других: «Чужеземцы станут твоими займодавцами, а не ты их!»

Иезекииль, просвещённый на этот счёт соседством с туранцами Ниневии, опасается недостаточности этих обещаний и угроз, и тогда он возвещает воскресение тел. Весь Израиль вернётся из смерти: — «И вошёл в них дух, и они ожили, и встали на ноги свои — великое, великое множество». Незнание загробного станет главным оружием.

Священники хранят закон Иезекииля, и не дозволено не исполнять их повелений: «Кто дерзнёт не повиноваться священнику, должен умереть». — Война будет успешной лишь при условии вмешательства священника, ибо военачальники смогут говорить к вооружённому народу только с согласия жреца. Однако господство Израиля не будет отныне покоиться лишь на доблести воинов; богатство народа Божьего в немалой степени послужит его значению в мире: «Вечный благословит тебя, как Он обещал тебе, и ты будешь давать займы многим народам, сам не нуждаясь в займах, и будешь господствовать над многими народами, а они не будут господствовать над тобою».

Серьёзная перемена: новый кодекс стремится уменьшить власть отца семейства, утверждая право первородства. Важно, в самом деле, чтобы Израиль богател и, с другой стороны, умножался числом; поэтому сыновья эдомитян и египтян будут считаться израильянами в третьем поколении, и предписывается особо защищать рабов. Одни лишь евнухи остаются безжалостно исключёнными из общины Вечного.

В качестве поощрения записано, что всякий иудей, вступающий в брак, освобождается от военной службы на один год и не платит подати.

Как следствие этого нового законодательства, женщина, до тех пор презируемая, становится предметом заботы. Станные обычаи допускают испытание женщины, подозреваемой в прелюбодеянии, и девственность приобретает значение, которого никогда не имела. Несправедливо посягнуть на доброе имя девы — значит заслужить смерть через побивание камнями.

В своём уединении Иезекииль хотел переделать Иерусалим, очистив Моисеев закон, но без чрезмерных новшеств. Неистовый наби, восходя к традициям Самуила, претендовал на чистое возобновление. В этом его дело оказалось тщетным.

Великий наби плена, Исаия II, куда более революционный, выступает, несомненно, с меньшей рассудительностью, но с замыслом величия Израиля несравненно более действенным. Его мало заботит вождь, священник, бог; ему важно, чтобы существовал сплочённый, богатый народ, простирающий своё действительное господство над другими народами. Предвкушая желанный успех, чтобы лучше его выразить, он говорит: «Доход Египта и прибыль Эфиопии, и савейцы высокорослые — они перейдут к тебе, Израиль, они будут твоими».

Две идеи господствовали в патриотических воззрениях Исаии II: он намеревался возвысить Израиль через превосходство истинного, сделать его сильным через национальную солидарность. Тем, кто трепетал, вспоминая недавние унижения, пророк кричал: «Не бойся, червь Иаков!» — и возвещал день, когда увидят, как юноши взмывают в полёт, словно орлы.

Исаия, однако, не хочет ничего торопить; его удивительное терпение доказывает его крепкую веру: — «Он не возвышает голоса, не даёт слышать себя на улице, не ломает надломленной трости; курящегося льна не угасит». — Он знает слабость Вавилона и силу персов, от которых Вавилон падёт. Гнев Вечного придёт с Киrom; он пройдёт над Вавилоном, и «народ Израилев» будет прославлен. Великое спокойствие наби контрастирует со строгостью его замысла и формулами его проповеди.

Язык Исаии II, несомненно, азиатский, его словесность мало отличается от обычной словесности наби, игра созвучий и повторов ему особенно свойственна; но образы, которые он употребляет, как и мысли, которые выражает, не имеют ничего иудейского. Исаия II — ариец, наблюдательный, последовательный, деятельный и трезвый. Он обличает слабости прочих наби, дурных стражей стада Израилева, которые слепы, «немые псы, не умеющие лаять, которые живут, разваливаются, любят дремать; псы жадные и ненасытные...»

Чрезвычайно внимательный, Исаия бодрствует в своей вере. Его новый Иерусалим будет великолепен, но он не задерживается на его дотошном описании, на вычерчивании будущих улиц по шнуру, на начертании отделений храма. Широкая поэзия, чьё преувеличение тотчас исключает практическое намерение, поёт безмерную радость будущего, бьёт прямо по воображению, потрясая его: «Иерусалим, Я воздвигну тебя на сапфирах, сделаю зубцы твои из рубинов и ворота твои из карбункулов, и всю ограду из драгоценных камней. И все дети твои будут научены Вечным, и велико будет счастье сынов твоих». Материальные видения Иезекииля превзойдены. Речь идёт уже не о сомнительных обещаниях; эта поэзия никого не обманывает, не вызывает усмешки неверия, завершение её отрадно своей точностью: «И Я заставлю притеснителей твоих есть собственную плоть их; кровью своей они упьются, как молодым вином». Иерусалим Исаии II обогатится торговлей и обменом. Корабли Фарсиса, бесчисленные, как голуби, летящие в голубятню, привезут золото и серебро чужеземцев; длинные караваны, составленные из молодых верблюдов Мадяна и Ефы, придут, нагруженные ладаном; в окрестностях города будут пастись великолепные стада Кедара и бараны Невайофа.

Древний Иерусалим, потерянный, не мог жить; он был создан слишком поспешно: «Рождается ли страна в один день? Рождается ли народ в один миг? — Едва начав родовые муки, Сион родил детей своих... Он родил прежде, чем постигла его боль». Новый Иерусалим, разукрашенный, радостный, будет подобен созревшей невесте, отданной супругу в должное время. Иегова, чей престол выше звёзд, кто не вмешивается в мерзости, будет время от времени вос-

сидеть близ святого города, на горе собрания, к северу. Это гора Меру Арьяварты, Альбордж Зороастра, почти греческий Олимп.

Бог Исаии умиротворился; не слышно более его ссор, не ощущается более его гнев. Весьма благой, Иегова любит Израиль и исцеляет его; это Ормузд-утешитель Ирана, простивший грехи своего народа, потому что народ его искупил их: «Я рассеиваю грехи твои, как облако, проступки твои, как туман. Вернись ко Мне, ибо Я искупил тебя». Защитник малых, этот Иегова — враг сильных, которых его буря «уносит, как соломѹ»; и так же, как Индра ариев Пенджаба, он приходит на помощь людям как герой... как победитель, ведущий своё воинство звѣзд... Его победа потрясает землю, и нечестивые краснеют от стыда, видя его победителем, единственным: «Прежде Меня, — говорит он, — не было бога, и после Меня не будет иного... Это Я предрѣк, спас и наставил». И вот как Исаия II заставляет его говорить: «Не думайте более о прошедшем, не помышляйте о делах древних. Вот, Я творю новое». Что действительно ново, так это то, что грозный Иегова стал правдивым богом и спасителем ариев и иранцев, отцом прелестным, безмерно благим: «Носимые на руках, ласкаемые на коленях, как утешает кого-либо мать, так Я утешу вас, и в Иерусалиме вы будете утешены».

Для этого вполне арийского бога Исаия, естественно, не видит нужды в храме: «Небо — престол Его, а земля — подножие ног Его». Кровавого культа первых кодексов пророк страшится; с какой уверенностью, с какой арийской логикой он говорит о его неизбежном следствии: — «Заколают вола — убьют человека; приносят в жертву овцу — зарежут пса; воскурят ладан — поклонятся идолу». Уважение к праву и свершение справедливости — вот весь культ: «Я дам тебе судьѹ мир и правителем справедливость».

Вечный Исаии — это беспредельное Время Зороастра, любящее всё человечество. Для этого необъятного бога нет чужеземца, он принимает даже евнуха в лоно природы. — Дом Иеговы открыт всем существам; день его торжества увидит собравшиеся народы ликующими: «И Иегова Саваоф приготовит всем народам на горе сей пир из тучных яств, пир из старых вин; из яств тучных и сочных, из вин старых и очищенных».

Исаия II, превосходный ариец, борется с азиатским делом Иезекииля; и он поѣт песнь избавления, радостно, между тем как другие пророки, расслабляя народ, стенают у краѣв ровов. На идиолов Вавилона снисходительный наби нападает со своей насмешкой, указывая на немоту и бессилие божеств, вышедших из рук златокузнецов.

Борьба между Иезекиилем и Исаией II стала острой. Не то чтобы оба провидца открыто схватились друг с другом; но новый Иерусалим Исаии, принадлежащий всем, не нравился священникам, которым покровительствовал Иезекииль и которые исподтишка переделывали для себя Пятикнижие. Обнаружилось противодействие, сначала глухое. Не исключено, что в этот миг халдейские жрецы и иудейские жрецы объединились против Исаии. Последний, в самом деле, обвиняет священников в том, что они вступили в сговор против него с чужеземцами; и, обрушиваясь на них: «Вас будут называть служителями Бога нашего, — говорит он им, — и вы будете красоваться в славе Его! ...отродь, рождѣнное от прелюбодеяния и блуда».

На улицах Вавилона пророка преследуют, оскорбляют; он не боится оскорблений, говоря громко, ибо уста его стали подобны острому мечу. Посвятив себя своему делу, он торопил его успех: «Ищите Вечного, пока можно найти Его, — восклицал он, — призывайте Его, пока Он близко». И вскоре дерзновенно возвещает возвращение в Иерусалим. Тогда воодушевление Исаии стало повелительным. Воскресение мѣртвых, предвиденное Иезекиилем, стало в устах наби непосредственной действительностью: «Да оживут мѣртвые! Да восстанут тела! Пробудитесь, ликуйте, вы, лежащие во прахе. Да будет роса твоя росою рассвета, и да породит земля вновь своих усопших!»

Поминальные посты умножались, и народ Божий оттого ослабевал; как Зороастр, и почти в тех же выражениях, Исаия восстаѣт против этого нелепого благочестия: «Вы поститесь для ссор и распрей ваших... Вот пост, который Я люблю: расторгнуть узы неправды, развязать

оковы угнетателя». Его слово, светозарное, боролось со жреческой тьмой, рассеивало мрак, показывало истинное, просто. Честность, прямоту — вот что должно заменить ложь, лицемерие. Зороастр не говорил иранцам ничего иного.

Дойдя наконец до предела своей проповеди, теснимый недоброжелательством, вынужденный завершить своё дело быстро, Исаия II возвещает обещанного спасителя, ожидаемого мессию, действительного воителя, который вот-вот придёт, который идёт, который движется на Вавилон, чтобы сокрушить этот «молот всей земли», чтобы покарать, чтобы уничтожить дерзкий город. Мессия, помазанник Господень, исполнитель замыслов Иеговы, которого призывает Исаия, — это Христос греков, это царь персов: Кир.

Глава 4. Всадники Ирана: рождение Персидской империи.

С 626 ПО 538 ГГ. ДО Н. Э.

Мидийское царство. — Арбак, Дейок, Фраорт, Киаксар. — Ахемени, вождь персов. — Нашествие скифов. — Астиаг, царь мидян. — Рождение Кира. — Персида. — Персы и мидяне. — Армения: Тигран, царь. — Битва при Тимбрее: Кир побеждает Крёза, царя Лидии. — Греческие оракулы. — Исход фокейцев. — Персы и греки. — Империя Кира.

СУЩЕСТВОВАЛО Мидийское царство с тех пор, как царь Киаксар, неистовый и страстный, во главе войска, разделённого на правильные фаланги (626 г.) и ведомого обученными, храбрыми и дисциплинированными военачальниками, несомненно арийцами, приучил к порядку мидийские орды. При Арбаке, который был лишь вождем, при Дейоке, истинном царе, и при Фраорте, монархе, ревниво оберегавшем своё достоинство, Мидия оставалась иранской, верной Зороастру, желающей мира между людьми: «Сын мой, — говорит отец Товии, — я стар и близок к тому, чтобы покинуть эту жизнь; возьми детей твоих и отправляйся в Мидию, ибо я верю тому, что сказал пророк Иона о Ниневии, а именно, что она будет разрушена, тогда как в Мидии мир будет царить некоторое время».

Новое Мидийское царство, не тревожимое никакими вождельниками, казалось, должно было довершить дело Зороастра, начатое в Бактрии. Туранский дух, грубый, но верный, и дух арийский, лёгкий, но честный, сочетаясь превосходно, быть может, положили бы тогда начало Европе в Иране, если бы не прискорбное вмешательство магов, пришедших из Халдеи, — азиатов беспокойных и растлевающих.

Персы предчувствовали эту беду, когда их вождь Ахемени привёл их в Мидию. Но царь мидян Фраорт разбил вожда персов, и следствием этого стало утверждение двух обособленных групп: мидян — на севере; персов — на юге.

Именно как царь мидян и сюзерен персов Киаксар, освободившись от сурового и долгого владычества скифов (625–607 гг.), вступил в союз с Алиаттом, царём лидийцев, и признал реку Галис, текущую посреди Малой Азии, разделительной чертой двух царств.

Астиаг, тот царь мидян, которого Моисей Хоренский называл «царём змей», монарх жестокий и подозрительный, преемник Киаксара (595 г.), подготовил своё падение с самого воцарения. Легенда, баснословная, овладевает этим последним царём мидян и рассказывает о виденном им сне: его дочь Мандана, которую он отдал в жёны персу, прямому потомку Ахемени, только что родила сына. Царь Астиаг увидел во сне виноградную лозу, которая исходила из чрева его дочери Манданы и покрывала всю Азию своими зелёными побегами. Маги Мидии, призванные для толкования, объяснили этот сон как возвещающий царствование сына Манданы и славу персов; царь, обеспокоенный в своих замыслах, встревоженный, приказал предать смерти этого угрожающего отпрыска. Осуждённый ребёнок, спасённый Гарпагом, был поручен заботам пастуха, который дал ему имя Аградат.

Аградат, — которому суждено было стать Киром, — непрестанно выказывал благородство своего происхождения. Дети его возраста, участвовавшие в его играх, избрали его царём, потому что он говорил рассудительно и вёл себя как герой. Когда молва об Аградате достигла ушей Астиага, он узнал своего внука по рассказу о сообщённых чудесах и отомстил Гарпагу, который ослушался, заставив его питаться плотью собственного сына, убитого с этой целью.

Гарпаг тотчас отправился к персам, чтобы поднять их против царя мидян; он указал им на существование Аградата, этого прямого потомка великого перса Ахемени, затем вернулся в Мидию, чтобы подготовить там падение Астиага. Аградат-Кир, призванный, встал во главе

персов, угрожавших мидянам. Астиаг, по глупости, отдал командование своим войском Гарпагу, который предал его, перейдя к персам. Армяне, которыми правил Тигран, высказались за Кира. Царь мидян, покинутый, побеждённый, взятый в плен, успел лишь приказать распять магов.

Басня о начале Кира, чисто анекдотическая и терпимая, усложняется у Ксенофонта, Ктесия, Геродота и в «Шах-наме». — «Мул будет царём мидян», — изрёк дельфийский оракул. — Николай Дамасский делает Кира сыном пастуха и пастушки коз, плодом скрещення, мулом, бастардом. Герой, несомненно, происходил от Ахемена, через пять поколений, по-видимому, имея отцом Камбиса и дедом Теиспа. Его мать, рабыня или наложница — дочь парфянина или скифа, — спустившаяся из Грузии в Мидию, где тогда смешалось столько рас, наделила могучего Ахеменида, Кира, тем даром благочестия, доброты, справедливости, который Ксенофонт, Ктесий, Геродот и Исаия единодушно отмечают.

Кровь арийца преобладала в Кире. Персы, таким образом, получили владыку, которого желали. Фарс, Парс или Парсистан — нынешняя Персида — с его знойными побережьями, чьи центральные равнины были плодородны, кормил и сохранял группу людей крепких, здоровых и воинственных до крайности в защите своих стад или в торжестве своих идей. Те, что жили в горах, — паретакены, коссеи и уксии, — были возбудимы до дикости. Племенем персов по преимуществу оставались пасаргады. Среди пасаргадов род Ахеменидов, к которому принадлежал Кир, составлял наиболее почитаемую фратрию.

Можно сказать о персах, что они были последователями Зороастра прежде, чем узнали Зенд-Авесту. Высочайшее чувство человеческого достоинства — эта отличительная черта ария — персы первых времён обладали в наивысшей степени. «С пяти до двадцати лет, — говорит Геродот, — персов учат трём вещам: ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду».

Их культ, простой, ведический, не знал ни святилища, ни статуи, ни алтаря. На костре сгорали приношения, и среди избранных жертв предпочтительнейшей, как в Арьяварте, был конь. Жрец пил хому и раздавал её народу, как это делалось в Стране семи рек; и, как в Бактрии, обряды завершались братским пиром. Зенд-Авеста ещё не управляла народом; но как только персы узнали её, она стала их Книгой, окончательно.

Мидийцы, отданные магам, этим азиатам, пришедшим из Халдеи, были неспособны служить великому делу Зороастра. Расслабленные, изнеженные, как и их государи, они должны были неизбежно подпасть под власть персов в тот день, когда у персов появится то, чего им до тех пор недоставало, — вождь, достойный их. Кир, владыка персов и мидян, будет править обоими народами, и противники завоевателя будут называть его царём мидян. Библия сделает из мидян, или Мадая, рассматриваемых в совокупности, белую расу, яфетическую; греки будут безразлично именовать своего великого врага то мидянином, то персом.

Однако после поражения Ахемена персов и мидян уже нельзя смешивать. Мидянин с длинными волосами утратил всякий этнический облик; он, как и ассириец той же эпохи, — смешение рас, скрещённых. Когда Кир поведёт оба народа в битву, деяния царя царей будут в один и тот же миг оцениваться по-разному. Так, один пророк Израиля скажет на одной и той же странице о великой доблести и великой жестокости войска Кира: — «Вот, Я возбуждаю против них мидян, которые не ценят серебра и не дорожат золотом. Но луки их сокрушат юных воинов. Не пощадят они плода чрева. К детям не будет милости в глазах их». Ведомые неподкупными арийцами, персами, воины Кира, в большинстве туранцы, беспощадны к побеждённым. Все мерзости — после победы; ни одной низости — во время честной борьбы, среди бела дня: у иранских народов был обычай сражаться только при свете солнца.

Став царём персов и победителем Астиага, Кир оставил своё имя Аградат и повелел называть себя Куруш. Верный истолкователь персидской идеи, он приказал восстановить по всему Ирану атеш-гахи, или зороастрийские алтари огня, допустив, однако, слабость — терпеть святилища мидийского магизма. Царь Армении Тигран приветствовал Кира, признав себя

его вассалом, приняв и распространяя в Армении зороастрийскую религию, которая распространилась там, сохранив, впрочем, ассирийский оттенок. Эта вассальная зависимость Армении, принятая Киром на условиях, почётных для армян, утверждённая как добровольная, стала окончательной.

По всему Ирану, вплоть до границ Индии, возникло движение к Киру. Перечисление князей, сплотившихся вокруг великого арийца, имеет в «Шах-наме» вид феодального перечня. То была поистине империя, которую Кир только что создал, можно сказать, в один день.

Верная дружба армян была для Кира великой силой. Географически Армения господствовала над покорёнными азиатами на востоке и сдерживала на западе группы Малой Азии, нашей Анатолии. Гора Арарат высилась в центре, как крепость, как дозорная вышка, стратегический узел высот, господствующих над Малой Азией, Ассирией и Мидией. Вечно раздираемая, Армения не поддавалась образованию единой народности. В ней происходили различные переселения. Её держали халдеи Исмидагана и Хаммурапи; её занимали египтяне Тутмоса III, победители ротенну; её брали ассирийцы, и Теглат-Паласар I разделил её на мелкие царства, платившие дань царю царей. Тогда-то халдейские божества пришли на смену старым богам Армении. Царь Баруйр, присоединившийся к Арбаку для разрушения Ниневии, был покаран Теглат-Паласаром II; Саргон, в свою очередь, приходил опустошать страну, которую восстановил царь Аргишти; и вот почему, когда явилась великая сила мидян, армяне, знавшие свою слабость, испросили и получили покровительство: Фраорт назначил царя, который будет ею править. Завидуя народной любви к царю Армении Тиграну I и его красоте — волосы его были белокуры, — царь мидян Астиаг захотел заманить его в Экбатаны, чтобы там удержать; предупреждённый, царь армян воздержался, и как только Кир явил себя, Тигран объявил себя за персов против мидян.

Пока народы, жившие к западу от Мидии, страшились Кира, те, что обитали в Иране и далее, в сторону Индии, шли к победителю как к долгожданному владыке. Иранцы Согдианы и Маргианы приветствовали нового царя. Парфия, что примечательно, поступила как иранцы. Но важным было добровольное подчинение бактрийцев, этих столь верных маздеистов, этих людей столь храбрых, столь гордых чистотой своей крови, подлинностью своих преданий, которых ассирийцы никогда не могли укротить. Кабулистан сопротивлялся, ибо цари Кабула были лицемерны и тщеславны, князья, без сомнения, афганские, то есть халдейского происхождения, вполне азиаты. Индия, волнуемая брахманами, чьему господству противились арии, была недостижима для мидян из-за смут в Кабулистане.

Когда кармании заключили союз с бактрийцами, согдийцами, маргианами и парфянами ради расширения империи, Кир утвердил своё владычество, покарав саков, эти беспокойные орды, постоянно угрожавшие Бактрии. Царь саков Аморг был взят в плен, и Сакия стала данницей царя мидян. Туранцы Гиркании, соседи Каспийского моря, тревожили Иран; Кир поспешил туда, и гирканцы без боя покорились. Албания и Иберия, Дагестан и Грузия поступили как Гиркания. Но Киру пришлось вызвать на бой и разбить колхидян, а также народы суровых гор, тянувшихся вдоль юго-восточного побережья Понта Эвксинского, — мардов, макронов, халибов, изобрётших сталь, и тибаренов. За четырнадцать лет (559–545 гг.) Кир стал бесспорным владыкой земель от Гиндукуша до реки Галис.

Крёз, бывший тогда царём Лидии, князь весьма богатый и могущественный, на западной оконечности Малой Азии, встревожился достоинствами Кира, между тем как вавилоняне заняли оборонительную позицию. Ещё при Алиатте, после шести лет борьбы (603–597 гг.), лидийцы были разбиты мидянами Киаксара, и река Галис была признана чертой, разделяющей два царства, ставшие дружественными.

Крёз, наследовавший отцу своему Алиатту, продолжая династию Мермнадов, терзал греков побережья Малой Азии, беря города, грабя, облагая огромными податями побеждённых — мисийцев, мариандинов, вифинцев, пафлагонцев, карийцев и памфилийцев. Он занимал все

земли между Геллеспонтом, Понтом Эвксинским, Галисом и Тавром, пощадив лишь ликийцев, покровительствуемых царями Вавилона.

Гордый своими успехами, Крёз помышлял перейти в наступление против персов. Добрый в часы спокойствия, щедрый, весьма подозрительный, склонный к суеверию, а следовательно, боязливый, — «благодетельный и щедрый», сказал Пиндар, — «скептический и недоверчивый», сказали бы мы, — Крёз велел спросить оракулы Дельф, Додоны, Бранхидов близ Милета, Амфиарая в Фивах, Трофония в Лебадее и Аммона в Ливии. Дельфийские жрецы удовлетворили его лучше всех: «Если он вторгнется к персам, — ответил оракул, — Крёз разрушит могущественное царство».

Видя лишь свою цель, свою мечту, неспособный к размышлению и вопреки совету своего весьма осмотрительного советника Санданиса, Крёз поднялся, чтобы идти на персов с войском наёмников, которое ему повиновалось. Он выступил решительно, дерзко, перешёл Галис по отводному каналу, устроенному по замыслу Фалеса, вступил в Каппадокию и разбил каппадокийцев, которых рассеял или переселил. Кир, примчавшись, встретил Крёза в Птерии и без промедления вызвал его на бой. Столкновение двух войск было ужасающим, затянувшимся из-за упорства и ожесточения. Битва не дала исхода, когда настала ночь. Крёз, полагая, что достаточно устрашил противника, или, быть может, опасаясь нового сражения, отступил к своей столице, думая обеспечить себе помощь к будущей весне, обратившись к вавилонянам, египтянам и лакедемонянам. Но Кир, держась своего успеха, преследовал Крёза и стал лагерем под стенами Сард.

В обширной равнине Тимбреи развернулась лидийская конница. У персов, как говорит Геродот, впереди была линия людей, посаженных на верблюдов, чей вид и запах поразили бессилием коней лидийцев. Крёз укрылся в своём городе со своими всадниками, считая себя неуязвимым, ожидая запрошенной помощи. После четырнадцати дней осады — ибо они ещё не знали искусства осад, — персы вступили в Сарды победителями. Падение лидийского города и поражение Крёза стали предметом тысячи легенд. Геродот и Ктесий нагромождают необычайные происшествия. Победитель проявил великодушие к побеждённым, оставив Крёза при себе, спрашивая его советов, советуясь с ним о прочих своих предприятиях, оставив лидийцам свободное пользование их законами под управлением князя их же племени, Пактия.

Лидийская империя, столь долго лелеемая Крёзом, была разрушена; империя мидян утверждалась с Киром. Оракулы греков пользовались этой неожиданностью, напоминая, что предрекли падение одной империи и торжество мула. Лидийской империи более не существовало; мул означал Кира, ибо мать и отец его были разных племён.

Греческие города и колонии предложили Киру покорность, подобную той, что он наложил на лидийцев, между тем как Спарта прислала к нему послов с поручением устрашить его. Кир пренебрёг предложениями и угрозами греков с весёлой дерзостью. Среди городов Малой Азии, всецело покорившихся персидскому оружию, Милет был удостоен особого обхождения. Этот акт чистой политики имел целью отделить Милет от общего дела лидийцев. Сокровища Крёза были перевезены в Экбатаны.

Когда Пактий, правивший Сардами, попытался поднять лидийцев, Кир послал мидянина Мазареса, который обезоружил всех мятежников, не встретив сопротивления. Пактию удалось на время укрыться от заслуженной кары. Мидянин Гарпаг, которому Кир поручил довершить покорение Малой Азии, терзал ионийцев, окружая их города, возводя против стен, которые не мог преодолеть, более высокие башни, откуда его воины метали стрелы. Неукротимые фокейцы, которым так угрожали, не получив никакой помощи от Спарты, несмотря на отправку посла, облачённого в пурпурную мантию, покинули свой город ночью, отправившись колонизовать Алалию на Корсике и Массалию в Галлии. Теосцы ушли вновь отстроить Абдеру во Фракии.

Приена пала, как пали Сарды и Фокея. Жители Приены были проданы, и их земля испытала гнев войск. Жители Арины (Ксанфа у греков) и Кавна, отчаявшись, погибли в пожаре города, зажжённого их собственными руками. Иония, Ликия и Кария несли ярмо персов. Хиос и Лесбос пришли засвидетельствовать почтение победителю.

Кир, чья энергия была неустанна в действии, но чей нрав становился слабым после успеха, позволил своим войскам злоупотребить победой. Чрезмерность кары, обрушившейся на побеждённых, поселила глубокую, окончательную ненависть между персами и греками.

Пока его военачальники — сначала Мазарес, затем Гарпаг — унижали Малую Азию, Кир вступал во владение своей восточной империей. Ариана, или Ария, Дрангиана и Арахосия — области нынешнего Афганистана, — где жили тогда чистые арийские племена, не знавшие Зороастра, ещё державшиеся религии Вед, не устояли перед обаянием нового владыки. Кир простёр своё влияние до Инда, до Пешавара (Пурушапуры). Гедросия, к югу от Арианы, покорилась.

Империя Кира охватывала пятьдесят градусов долготы; она простиралась от средиземноморских берегов Малой Азии до Окса на северо-востоке и до Инда на востоке. Но имперское дело было лишь свершившимся фактом. Владыка явился, навязывая свою силу, удивляя побеждённых — кроме греков — своей терпимостью и великодушием, оставляя народы свободными при условии исправной уплаты условленной ежегодной дани — продовольствием и людьми. Кир носил в себе великую зороастрийскую идею; его войска, как правило, внушали столько же восхищения, сколько и страха. Однако герой, победитель и его воины проходили со своей храбростью и добродетелью, не оставляя на пути никакого зерна. Завоевателя боялись и греки, и вавилоняне, трепетавшие за свои города и алтари, и дивившиеся затем, после поражения, безразличию, с каким Кир оставлял повсюду в чести божества, которым сам не поклонялся. Пощажённые жрецы почти презирали этого победителя, столь мало ревностного к великой зороастрийской идее.

«Кир, — говорит Эсхил, — был счастливым мужем, давшим мир всем своим. Он присоединил к Царству народ лидийцев и народ фригийцев и покорил всю Ионию. И боги не гневались на него, ибо был он исполнен мудрости». — Плохо свершают свои судьбы в истории люди, на которых боги не гневаются.

Глава 5. Мессия по имени Кир: освобождение и иллюзии.

С 538 ПО 529 ГГ. ДО Н. Э.

Кир в Вавилоне. — Переделанная Библия. — Аггей, Захария, Ездра, Неемия, Малахия. — Псалмы. — Смерть Навуходоносора. — Беллабарисрук, Эвилмеродах, Нергалсарсор, Беллабарисрук II, Набонид. — Валтасар. — Кир Христос. — Падение Вавилона. — Кир не исполняет своей миссии. — Уход иудеев в Иерусалим. — Зоровавель и Иисус. — Смерть Кира.

БАВИЛОН, древний и великий город аккадов, весьма богатый и весьма развращённый, идолопоклоннический до отвращения, исполненный азиатского духа, ленивый сверх всякой меры, давно возбуждал вожделения. Иудеи, жившие в нём, ускорили его гибель, ещё усиливая развращение вавилонян и одновременно указывая мидянам на слабость и богатство Вавилона. «Выстройте полки против Вавилона, — зывал Иеремия, — пустите конницу, как рой саранчи с расправленными крыльями; призовите народы начать войну против него, царей Мидии, их военачальников и сатрапов, и все страны их владычества, то есть главным образом Армению, Понт и Колхиду».

Богатство Вавилона проистекало главным образом из торговли, которая велась между Востоком и Западом при посредничестве мореходов Персидского залива и купцов Финикии и проходила через Тередон и Тадмор (Пальмиру), оставляя в руках жителей Вавилона постоянные пошлины за проход. Вавилон, однако, не был складочным местом, ибо никто не испытывал там того чувства окончательной безопасности, которое необходимо для торговых дел. Царей Вавилона считали главари́ми шаяк, всегда готовых сняться с места. Ассирийская империя была едва ли не фикцией. Можно было замышлять гибель Вавилона и предвидеть перемещение обогащавшей его торговли.

У иудеев этой заботы не было. Мысль, которой следовали их наби, состояла в восстановлении Иерусалима, в воссоздании народа Израилева, и ради этого они переделывали Библию. Неспособность к какому-либо творчеству, отличительная черта израильянина, привела к тому, что составители новой Книги заимствовали из верований и законов народов, живших в Вавилоне, статьи для кодекса Израилева. Иудейское божество, всемогущее, было там утверждено декретом: Элохим был богом евреев; Иегова стал богом иудеев, смесью иранского Ормузда и ведического Индры, но подкреплённый привилегиями и подкреплённый перечисленными карами. И этого бога, который был лишь шумерийским Яхве, богом Гал, богом сущим, бесспорным, народы вынуждены будут ходить искать в Иерусалим, который будет его эксплуатировать как монополию. — «В те дни, — возвещает Захария, — будет, что десять человек из всех языков и народов ухватятся за край одежды Иудея, говоря: мы пойдём с вами, ибо мы слышали, что Бог с вами».

Преемники Иезекииля, образующие или продолжающие собрание наби, будут оспаривать друг у друга формулы нового кодекса, подвергаясь каждый различным влияниям, и Библия дойдёт до нас лишь с несообразностями и противоречиями. Возвратившись в Иерусалим, Аггей и Захария, противодействуя Иезекиилю и Исаии II, создавая иудаизм, довершат конец Израиля. Для них вещественное восстановление Храма будет важнее всего. Ездра и Неемия будут полагать, что запечатлевают еврейское дело, удревняя его на двенадцать столетий, вставляя в него обычай Израиля, давая Закон. А Малахия подорвёт замысел Ездры и Неемии, используя Закон, ставший господствующим, исключительно в пользу священства. Последний пророк Израиля будет озабочен лишь доходами культа, поступлениями от приношений.

Обнародование нового кодекса было необходимо, ибо израильяне, — как заявил Иезекииль, — не захотели следовать постановлениям и исполнять повеления Вечного, предпочи-

тая законы других народов. Сведение в единую книгу законов и предписаний, которые Вавилон получил из Египта, Турана и Ирана, могло дать хорошее целое. Собрание поэтических произведений, завершённое лишь после обнародования закона и изданное как сборник традиционных еврейских творений, должно было, с другой стороны, впечатлять тех, кого чистая строгость закона оставляла равнодушными. Уже во времена Давида книжники Израиля, и, без сомнения, сам царь, собирали литературные произведения древней Халдеи, отрывки, которые некогда пели поэты Сирпулы. Эти поэзии, торжественно распевавшиеся на берегах Евфрата за сорок веков до вавилонского плена, следовательно, задолго до Давида (4500 г. до н. э.), были вставлены в Библию под названием Псалмов и приписаны Давиду, подобно тому как Неемия, не колеблясь, приписал Моисею вновь составленный и обнародованный кодекс. То было самоутверждение священства. — «Да облекутся священники торжеством, — говорит один из псалмов, — и да поют верные от радости».

Царь Вавилона Навуходоносор, впав в безумие, возомнив себя богом и питаясь травой, как бык, — как бык Апис, бог Египта, — умер (561 г.), оставив власть архимагу Беллабарисуку, главе касты халдеев. Эвилмеродах, сын Навуходоносора, удалил узурпатора, принявшего царский титул, и явил свою благосклонность к иудеям, отворив темницу, где томился Иехония, царь Иудеи, которого он допустил к своему столу, говоря ему добрые слова и назначив ему место выше мест царей, содержащихся в Вавилоне. В своём дворце, пышном и необъятном, царь Ассирии поместил в качестве евнухов членов рода Давидова.

Эвилмеродах умер (559 г.), убитый Нергалсарсором, сыном архимага Беллабарисука. С самого воцарения Нергалсарсор был великолепен; восхищались серебряными изваяниями, которые он повелел поставить в различных святилищах пирамиды гробницы Бела. Он умер после четырёх лет царствования (555 г.) в битве, данной к востоку от Вавилона против персов Кира или, быть может, эламитов?

Сын Нергалсарсора, Беллабарисрук II — Лаборосоарход у Бероса, — ещё дитя, был вскоре вытеснен главой касты халдеев, Набонидом, Лабинетом Геродота. Этот глава жрецов, ставший царём Вавилона, в одной надписи признаёт, что долго грешил против великого божества, призывая его для продления собственного существования и прежде всего для того, чтобы его сын Белсарсор — Бел-Сар-Усур, Валтасар еврейской Библии — наследовал ему без соперничества.

Слабость вавилонян дошла до такой степени, что иудеи открыто, призывая Кира, возвещали гибель Вавилона, этого «колосса на глиняных ногах». Город защищали одни лишь звездочёты: «Пусть же встанут и спасут тебя те, кто измеряет небо и наблюдает звёзды; кто при каждом новолунии возвещает тебе, что должно случиться».

Кир услышал призыв иудеев и, сильный ревностью Иеговы Саваофа, поспешил со своими персами, мидянами и эламитами, объединёнными под его началом. Пророки Израиля уже воспевали свою победу: — «Лук Элама повинуется Орлу, пришедшему с Востока». — «Это священные полки, служители божественного гнева, идут с поручением разрушить Вавилон». — «Кир пойдёт по сатрапам, как по грязи, он будет месить их ногой, как горшечник месит глину». — «Кир — помазанник Господень, исполнитель Его замыслов». — «Это Вечный воздвигает его; он помазанник по преимуществу, он Мессия (Машиах)». — Греки, буквально переводя это выражение, назовут его Христос.

Видение Исаии было отчётливо сформулировано: «Подобно урагану, когда он разражается на юге, это идёт из пустыни, из страны грозной. Похититель похищает, разрушитель разрушает! Устремляйся, Элам! Сжимайте, мидяне! Я прекращу все вздохи».

Войско Кира шло с востока, через горы, и в Вавилоне слышался бурный шум собранных империй и народов. Мидийская конница, медленная и тяжёлая, прикрывавшая обозы ослов и верблюдов, спускалась к Вавилону попарно, за ней следовали лучники Элама и персы с длинными мечами: «На халдеев!» — зывал Иеремия. «Меч! на всю эту толпу чужеземцев, чтобы

стали они женщинами! Меч! на сокровища его, чтобы были они разграблены! Меч! на каналы его, чтобы они иссохли! Ибо это страна идолопоклонников».

Набонид, выступив, чтобы остановить Кира, потерпел быстрое поражение и вернулся в Вавилон, чтобы там запереться. Столкновение, без сомнения, ужаснуло вавилонян и поразило воинов Кира: «И те и другие глядят друг на друга в изумлении; лица их бледны», — говорит один текст.

Широких стен Вавилона, его высоченных медных ворот, запертых железными засовами, было недостаточно; они недостаточно защищали сокровища, сокрытые в тайниках. Поэтому Набонид оставил своему сыну Валтасару заботу защищать первую ограду ассирийского города, а сам отправился забаррикадироваться в своей цитадели Борсиппе. Прибытие персов под стены города не испугало народ Вавилона, который считал себя в безопасности и продолжал жить весело: «Накрывают стол, расстилают ковёр, едят, пьют...»

Поскольку Вавилон, осаждённый, был прекрасно снабжён припасами и мог долго выдерживать персидскую блокаду, Кир велел отвести воды реки, протекавшей через город, и по обнажённому руслу, ночью, бросил свои войска в город. Отблески пожара, грохот разбиваемых ворот, крики гонцов, спешивших возвестить царю о катастрофе, вызвали ужасающую панику. Валтасар, застигнутый за своим столом, был зарезан. Набонид сдался Киру, который велел отправить его в Карманию.

Падение Вавилона, столь быстрое, поистине неожиданное, изумило мир: «При клике: “Вавилон взят!” — земля содрогнулась, и эхо его разнеслось среди народов».

То, что говорилось при падении Иерусалима, насмешки, которыми осыпали народ Израилев при его гибели, проклятия, которые изрекались, оскорбления, которыми низко насыщалась всеобщая ненависть, — всё это пророки повторили в полном реванше: «Вавилон был золотой чашей в руке Вечного, он опьянял всю землю, народы пили его вино, оттого народы и безумствовали... Внезапно Вавилон падает и разбивается!...» Преисподняя, Шеол, в своих глубинах содрогнулась от падения Вавилона: — «Все князья земли, все цари народов возвышают голос и говорят: и ты, Вавилон, исчез, как мы?.. Великолепие твоё сошло в могилу со звуком твоих кифар; под тобою черви — твоя постель; могильные черви — твоё покрывало... Сойди с престола твоего, чтобы сесть во прахе, дева, дочь Вавилона! Сядь на землю, дочь халдеев. Отныне не будут более называть тебя Нежной и Сладострастной. Возьми жернова и иди молоть муку. Сними покрывало твоё, подбери платье твоё, обнажи голени твои! Да будет открыта нагота твоя, да увидят стыд твой!» ... — И пророк прибавляет: «Я отомщу, не пощажу никого».

Израиль был беспощаден к павшему, порабощённому и обнажённому Вавилону. Царь, лишённый погребения, брошенный под саваном мертвецов, заколотых железом, — как падаль, попираемая ногами. Вечный, удовлетворённый, во гневе на все народы, завершив своё дело, окончив свой труд, распускает небесное воинство, ставшее ненужным, и свивает небо, как египетский писец свернул бы свой папирус. Азиатское лицемерие господствует в этом возбуждении пророков, избавившихся от великого страха: «Мы хотели исцелить Вавилон, но он не захотел исцелиться. Оставьте его!»

Персы, к несчастью, победив, вступали в Вавилон с арийской слабостью, то есть с бездумностью, самоуверенностью, глупой добротой. Кир и его сын Камбис, помышляя привлечь к себе новых подданных, стали публично чтить богов Халдеи, в то же время с удовольствием выслушивая обольстительные ходатайства иудеев о восстановлении Иерусалима.

И вот, снисходя до того, чтобы слушать иудеев, царь персов и мидян восстанавливал разрушенные храмы Вавилона, воздавал почести азиатским божествам, являя неожиданное зрелище Ахеменида-многобожника. Жрецы Вавилона воспевали благочестие, величие и славу Кира.

Иступление наби превосходило всякую меру: «Радуйтесь, небеса! Восклицайте, глубины земли! Горы, ликуйте! Ты, лес, со всеми деревьями твоими! Ибо Вечный искупает

Иакова; Он являет славу Свою в Израиле!» Уже не Кир взял и разрушил Вавилон, а Иегова лично: «Я, Вечный, совершил всё это!» И Иегова, его устами, продиктовав Киру его роль: — «Он отстроит город Мой (Иерусалим) и отпустит изгнанников Моих без выкупа и без дара», — вознаграждает его, по обыкновению, раздавая ему чужое добро: «Я отдаю Египет как выкуп, Куш и Севу». Как некогда Иеремия указывал халдеям на сокровища Тира, годные к захвату, так Исаия II распоряжался в пользу персов богатствами долины Нила, вплоть до Куша и Севы, то есть до Эфиопии, крайнего юга.

Через пятьдесят два года после разграбления Иерусалима иудеи получили, таким образом, от Кира, от вождя арийцев, возможность вернуться в Иудею, в Иерусалим, чтобы поднять там храм из развалин. И пели великий пророческий псалом: «Камень, отвергнутый строителями, стал главою угла. Это совершено Вечным. Это дивно в очах наших».

В тексте, который Ездра приводит об указе (536 г.), коим Кир освободил иудеев, царь персов признаёт, что бог неба, Иегова, повелел ему отстроить храм в Иерусалиме, в Иудее. Покровительствуя исходу, Кир желает, чтобы по дороге жители каждого места помогали иудеям серебром, золотом, скотом и иным добром, сверх добровольного дара для храма Божия. И, назначив Сасавасара, израильтянина, правителем нового Иерусалима, он повелел возвратить ему золотые и серебряные сосуды храма, унесённые Навуходоносором.

Объявление об уходе в Иерусалим вызвало мало воодушевления. Бедные, малые поспешили на зов наби; но те, кто воспользовался великой благосклонностью царя Ассирии, кто хорошо устроился в Вавилоне, предпочитали там оставаться. Да и среди малых лишь прежние жители царства Иудейского были вполне решительны. Поэтому история, начиная с этого мгновения, перестаёт говорить о евреях и израильтянах и занимается только иудеями. Лишь эти последние, в самом деле, или почти лишь они, ушли с намерением отстроить храм Вечного и продолжить восстановление монархических учреждений.

Первый караван вели Зоровавель, гражданский правитель, и Иисус — Иехошуа, Иошуа, Иисус, — глава религиозной общины. Этот Иисус был внуком последнего первосвященника Израиля, убитого по приказу Навуходоносора. Документы противоречат друг другу относительно числа переселенцев: приводимые цифры колеблются между двадцатью девятью тысячами и сорока двумя тысячами; они согласны в указании на преобладание жреческих семей — священников, жрецов и левитов. Множество чуждых элементов, смешавшихся с ушедшей толпой, должны были в Иерусалиме оказывать влияние на проявления иудейского духа. Вероятно, в частности, что не все уведённые рабы были даже азиатского племени. В своём перечне сословий, исходивших в Иерусалим, Ездра называет в строгом порядке священников, левитов, певцов, привратников (храма), крепостных, рабов, неиудеев и жреческие семьи. Поскольку переселение состояло в сущности из бедных людей, главным образом из колен Иуды и Вениамина, — «те, кто не хотел покидать своё имущество, — говорит Иосиф Флавий, — остались в Вавилоне», — аристократию составили начальники, священники, пророки и старейшины (отцы).

Восстановление Иерусалима, где иудеи собирались организовать в народ, и сохранение Вавилона, где персы могли лишь развратиться от соприкосновения с халдеями, были двумя великими, непоправимыми ошибками Кира. Настолько, что сама его личность как бы стёрлась, исчезла, и история почти ничего не сообщает нам о победителе после взятия Вавилона. Ксенофонт говорит о завоевателе, управляющем своими владениями; Геродот и Ктесий видят его варваром, сокрушающим мятежи, идущим на трагическую гибель через восемь лет после падения Вавилона (529 г.) у туранцев-массагетов, которыми предводительствовала царица Томирис.

Кир, умерев, был погребён в Пасаргадах. На его могиле воздвигли пять огромных монолитных столпов. Изваянный облик царя символизировал его царственную душу, четырежды окрылённую, допущенную восседать среди небесных существ. Надпись гласит просто, но не без величия: «Я — Кир, царь, Ахеменид».

Империя Кира в конце концов включала Персиду и Сузиану — по праву наследования; Иран вплоть до Индии — по праву избрания; Малую Азию и Вавилон — по праву завоевания; Сирию до Средиземного моря, Египет и Армению — по праву признанного сюзеренитета. На смену федеративной идее, всецело арийской, в уме Кира пришла идея имперская, всецело азиатская, как только он взял Вавилон. Он воображал, что так возвеличивает свою личность, между тем как изменял своей цели, искажал своё дело, предавал разом и Иран, и Зороастра. Империя царя царей, необъятная, имела границами: на востоке — Инд; на севере — Яксарт, Каспийское море, Кавказ и Понт Эвксинский; на западе — Средиземное море, Египет; на юге — Индийское море и Персидский залив. Но в центре этой империи, в Вавилоне, победитель, владыка Кир, введённый в халдейскую иерархию, окружённый, теснимый до удушья бесчисленными слугами и имперскими чиновниками, стал пленником азиатов и жертвой обмана иудеев.

Глава 6. Тир и Карфаген: финикийцы на службе Востока.

С 1110 ПО 529 ГГ. ДО Н. Э.

Наследие Кира. — Египет от Рамсеса III до XXVI династии. — Нашествие греков. — Псамметих III и Камбис. — Финикийцы. — Пигмалион. — Основание Карфагена. — Ассирийцы грабят Тир. — Египтяне облагают данью Сидон. — Финикия, вассал царей Вавилона. — Воцарение Камбиса. — Из ненависти к Египту финикийцы служат персам.

КИР оставил двух сыновей: Камбиса — Камбуджию — и Бардию, которого Геродот называет Смердисом. Наследовал царю мидян и персов Камбис. Бардия получил в управление Бактрию, Парфию, Хорасмию и Карманию в качестве «князя-вассала», освобождённого от дани.

С самого воцарения (529 г.) Камбис захотел взять Египет вплоть до земли Куш, до Эфиопии — земли, чьи богатства иудеи указывали и расхваливали. Добыча была относительно лёгкой. Уже более пятисот лет (1288–1110 гг.) Египта, можно сказать, не существовало: великое смешение рас, идей и честолюбий соединило людей Средиземноморья с людьми экватора. При Рамессидях греки Малой Азии и Островов — «люди островов зелёного моря» — доходили до самого Мемфиса, между тем как павшие Фивы, всецело отданные азиатским жрецам, оставались лишь предметом любопытства. Фараон Рамсес III, порывая со всеми традициями, велел построить свой дворец из сырцового кирпича в подражание ассирийским памятникам, допустил символическую астрологию халдеев проникнуть в скульптурные изображения, а жрицам хеттов, интриганкам и развратительницам, — проникать в храмы и жить там. Арабы Йемена, чьи деятельные караваны перевозили произведения Индии и Африки, уходили теперь в Халдею, покинув города на берегах Нила, которые столь долго были великими общественными рынками.

Египетское войско, состоявшее почти исключительно из ливийцев-машуахов, белокурых, ещё вполне арийцев, ненавидело азиатов, державших древние Фивы и эксплуатировавших фараонов; но, не осмеливаясь действовать, эти воины довольствовались занятием территории. Греки, осмелевшие от непрерывного оттеснения египтян к югу, приходили, через последовательные переселения, селиться в дельте, между морем и Мемфисом. — «Сочтём ли мы города, которыми Эпаф населил Египет?» — скажет Пиндар. — На юге, за вторым порогом, эфиопы оставались свободными, сильными, нетронутыми.

Это нашествие ливийцев, азиатов и греков, столь мало созданных для согласия, по всей протяжённости известного Нила весьма благоприятствовало замыслам честолюбивых завоевателей. Тяжёлый, грубый и свирепый ассириец, ведомый хитрым, жадным и жестоким халдеем, мог притязать на господство над покорным, упорным и многочисленным египтянином. Завладеть Нилом, этим истоком Океана, овладеть равнинами плодородной Африки стало делом простым.

Владея Вавилоном, персы располагали ассирийским влиянием, тогда преобладавшим в долине Нила: Асархаддон, победитель, полноправно именованный царём Египта и Эфиопии, разделил своё завоевание на двадцать шесть княжеств.

Когда XXVI египетская династия была начата Псамметихом (656 г.), множество эфиопов пришли поселиться в Нижнем Египте, между тем как властитель поощрял там переселение греков. Африканский вкус, чрезмерный, грубоватый, но искренний, дошёл, таким образом, до Саиса, столичного города фараона в дельте, наложив отпечаток на скульптуры; но арийский вкус, принесённый греками, умерял это рвение, упорядочивал эту горячность, использовал эту искренность, и произведения этого нового искусства, освобождённые от египетской оцепенелости, ставшие живыми, действенными, смеялись на ярком солнце.

Вскоре на севере войско перестало быть египетским; жрецы, всевластные, допустили греков учиться у них! Когда преемник Кира возжелал Нила, чёрные воины, павшие духом, возвратились к своим царям на юг. Фараон Амасис дал грекам место для города, Навкратис, который окружили стеной и в котором были допущены одни лишь эллинские божества. Псамметих III — «животворящее солнце приношений» — наследовал этому Амасису, когда явился Камбис, угрожая.

От поведения финикийцев мог зависеть успех персидского предприятия. С другой стороны, Ливия уже не была неприкосновенной со времени основания Карфагена, и с этой стороны Камбису важно было обезопасить себя. По смерти Матана, царя Тира (879 г.), народ назначил его преемником сына его Пигмалиона, тогда как тирская аристократия избрала дочь царя, Элиссу. Народ одержал верх, и несколько тысяч аристократов покинули Тир с Элиссой — «беглянкой»: Дидоной, — чтобы основать новый Тир. Переселенцы высадились на севере Африки, в месте, где за шесть столетий до того сидоняне основали Камбе, с тех пор разрушенную Утикой, и купили у Иавона, владыки страны, участок земли, на котором Дидона начертала ограду Кирьят-Хадешат — Карт-Хадшатт, Карфаген, — Нового города.

На земле, только что приобретённой тирской аристократией, жили ливийцы-земледельцы арийского происхождения, белые, — макситане. Город Дидоны, разрастаясь, должен был изменить вероятные судьбы севера Африки; из Карфагена азиатский дух, властный, должен был распространиться к Галлии, к Испании и до самых Британских островов. Ливийцы, которых тирские аристократы намеревались эксплуатировать и которые занимали Северную Африку от Нила до Океана, смешались с автохтонами, происшедшими от Фута, с собственно африканцами — народами, которых ныне находят живущими в тех же местах и которые называются, в зависимости от областей, амазигами, шильхами, кабилами, тиббу, туарегами, — берберами, имеющими общность языка, нравов и стремлений.

Этот союз африканцев и арийцев, составлявший, за исключением немногих, оставшихся чистыми кое-где становищ, ливийскую группу, был сильно затронут до прихода Элиссы, до основания Карфагена, приблизительно через столетие после арийского нашествия (1350 г.), вторжением ханаанейских переселенцев.

Финикийцы Тира, основатели Карфагена, поставили себе задачей сочетать эти различные элементы, сплотить эту этническую неразбериху. Местоположение Нового города было выбрано превосходно — в глубине весьма защищённого залива, на берегу, отделённом озером от внутренних земель. Со своего полуострова карфагеняне видели всё Средиземное море. Люди ханаанейского происхождения, рассеянные главным образом по побережью, охотно содействовали быстрому возвышению Карфагена, чьё главенство они тотчас признали.

Элисса обязалась перед вождём Иавоном выплачивать ему ежегодную подать в уплату за полученную землю; но как только Новый город стал способен к обороне, карфагеняне нарушили обязательство, поскольку оно могло быть истолковано как знак вечной вассальной зависимости; следствием стал ряд битв с ливийскими племенами, ещё повиновавшимися Иавону (850–600 гг.), которые позволили победоносным карфагенянам постепенно распространить свои владения до Нумидии. После каждой победы тирские аристократы, всецело преданные своей цели, увеличивали своё войско некоторым числом азиатов — ханаанеев, финикийцев из Зевгитаны и Бизацены, — ненавидевших ливийских арийцев, которых любили африканцы. Обширные, хорошо устроенные земледельческие хозяйства осваивали области, занятые военной силой, и их быстрое заселение готовило будущее. «Государство Карфагена, — говорит Аристотель, — непрерывно отправляет в окрестные края поселенцев, избранных из числа его граждан, которым оно обеспечивает приятный достаток».

Подати, выплачиваемые многочисленными городами, основанными вокруг Карфагена, поддерживали государственную казну. Карфагеняне уже тогда настолько ощущали своё будущее могущество и полное порабощение окружавших их арийско-африканских народов, что

укреплялись только со стороны моря. Вокруг этих укреплений Карфаген допускал лишь финикийских поселенцев, союзных, а не подчинённых.

Это быстрое сплочение людей на севере Африки, образованное из двух главных рас — африканской и арийской, или европейской, — управляемое, сдерживаемое, эксплуатируемое аристократией азиатской расы, должно было дать истории первый пример народа, одновременно торгового и воинственного.

В Тире, избавившись от аристократов, любимый народом, который учредил монархию (872 г.), Пигмалион поспешил признать себя вассалом царя Ассирии. Бинлихус III (857–828 гг.) получил дань со всей Финикии, со стран Тира и Сидона. Преемники Пигмалиона проходят почти неизвестными, все верные своему сюзеру. В этом лёгком мире, купленном ценой унижения, Тир богател (832, 824, 786 гг.), пользуясь смутами, волновавшими Грецию, куда вторглись дорийцы, чтобы вновь захватить монополию торговли между Востоком и Западом.

Поражение Асурлихуса фактически разорвало узы вассалитета, подчинявшие Тир Ниневии. Когда Теглат-Паласар II пришёл карать сирийцев, царь Тира не значился в списке взбунтовавшихся вассалов, которых царь Ассирии заставил унижаться перед собой в Дамаске. Мутан, царь Тира (730 г.), вступил в союз с царём Израиля, который хотел бросить вызов ассирийцам. Но как только явилось ассирийское войско, Тир без боя покорился. Тогда-то Сидон проявил себя как соперник, а греческий флот вернулся оспаривать у финикийцев пользование морем. Эллинские колонии возникали повсюду. В Сицилии три финикийских города — Мотия, «илистая»; Кефер, «город по преимуществу»; Маханат, «стоянка», — построенные на западной оконечности острова и оставшиеся независимыми, вступили в осторожные сношения с карфагенянами.

Когда победоносный царь Ассирии Саргон пришёл в Финикию (726–720 гг.), Элули, царь Тира, отказал ему в изъявлении покорности, несмотря на великий страх тирян, которые выдали материковый Тир — Палеотир — ассирийскому монарху. В островном Тире, изолированном, готовом к сопротивлению, жило, без сомнения, некоторое число аристократов, не последовавших за Дидоной при воцарении Пигмалиона. Финикийские города дали Саргону, для захвата островного Тира, флот, которого потребовал монарх, — шестьдесят кораблей с восемьюстами гребцов. Тиряне Элули, имея лишь двенадцать судов, разбили финикийские корабли. Саргон осадил Тир, но безуспешно; утомившись (715 г.), военачальники царя Ассирии отступили. Но за время своего славного сопротивления Тир потерял свои дальние колонии. Греки взяли Тасос, богатый золотыми рудниками.

Убийство Саргона вернуло царю Тира Элули часть утраченного влияния на города Финикии. Но вот Сеннахирим возобновил военные действия. На этот раз Элули был разбит. Изваяния на скалах Нахр-эль-Кельба повествуют о торжестве царя Ассирии. Долгое и героическое сопротивление Элули необычайно, ибо финикийцы всегда принимали, часто сами искали ярмо самого сильного владыки. Финикийцы по опыту считали, что самый унижительный мир благоприятствует развитию торговли, обогащавшей их, и предпочитали богатство славе. Павший Тир получил Итобаала (700 г.) царём из рук Сеннахирима.

Сидон, унаследовавший значение Тира в Финикии, сбросил ассирийское ярмо, когда до него дошла весть об убийстве Сеннахирима (680 г.): Абдилмилкут, царь сидонян, отказался от дани. Асархаддон тотчас поспешил туда: «Я, — гласит надпись царя Ассирии, — предал смерти всех вельмож Сидона; я уничтожил его стены и его дома, которые сбросил в море; я уничтожил само место его храмов».

Побеждённый царь Сидона и сидоняне, избежавшие мести ассирийцев, укрылись в море, на кораблях. С помощью финикийского флота Асархаддон уничтожил суда, на которых находились беглецы.

Вновь поражённая Ашшурбанипалом (667–666 гг.), дважды опустошённая скифами (625 г.), — которые, однако, не осмелились войти в города, — деморализованная Финикия отдалась,

ради спокойствия, фараону Нехо (610 г.). Именно тирские моряки совершили по приказу фараона дерзкую и великолепную попытку плавания вокруг Африки. Тир, продававший жителям Востока олово Испании и Корнуолла, вновь обогатившийся, поднявшийся, несколько шумный, возбудил зависть Израиля. Эта зависть стала ненавистью, когда Навуходоносор, только что взявший Иерусалим, пощадил Тир.

И тогда пророки стали наперебой превозносить сокровища великолепного города, чтобы возбудить жадность ассирийских воинов. Навуходоносор, владыка Нижнего Египта, отправился грабить Тир, который, впрочем, один во всей Финикии, управляемый Итобаалом, обманутый самими египтянами относительно их намерений, неосторожно высказался против Вавилона. Ненависть к Египту вошла в сердца тирян.

Фараон Уахпра-хет, используя приготовленный им флот, в свою очередь напал на финикийцев, жестоко обложил данью Сидон и вернулся в Египет со значительной добычей. Ненависть к египтянину распространилась тогда по всей Финикии, которая безоговорочно отдалась Навуходоносору.

Сидон получил от ассирийцев весьма важные привилегии. Его царь Эшмуназар (574 г.) восстановил разрушенные храмы и получил часть земли Израилевой: «Да ниспошлют, — гласит надпись щедро одарённого князя-вассала, — да ниспошлют владыки царей нам навсегда обладание Дором, Яфо (Яффой греков) и великолепными хлебородными землями, что на равнине Сарона».

Тир низверг престол своего царя Баала, заменив монархию правлением республиканских должностных лиц — суффетов. Анархия стала первым следствием поспешного переворота. Вмешался первосвященник, и, когда царская власть была восстановлена (556 г.), цари Ассирии перестали тревожиться о тирянах, исправно посылавших в Вавилон свою ежегодную дань. Набонид, однако, дал народу Тира в правители князя по своему выбору, Мехербаала (555 г.), которому наследовал его сын Хирам (551 г.). Хирам царствовал уже четырнадцать лет, когда ему пришлось признать своим сюзереном Кира, владыку Вавилона.

Ненависть к Египту, упорная, глубокая в Финикии, обеспечивала персам содействие финикийцев. Они без труда дали Камбису флот, который он требовал для действий против Египта.

Глава 7. Царь царей Дарий: порядок из хаоса.

С 529 ПО 514 ГГ. ДО Н. Э.

Камбис в Египте. — Гибельный поход к оазису Амона. — Маги в Мидии. — Лже-Смердис. — Заговор семи персов и избиение магов. — Дарий, сын Гистаспа, царь. — Восстания. — Дарий восстанавливает империю Кира. — Разращение персов в Вавилоне. — Новый Иерусалим. — Освящение храма.

ИМЕННО грек Фанес, наёмник в войске египетского фараона, указал Камбису, каким образом он сможет овладеть долиной Нила. Арабы всё ещё были хозяевами дорог, ведущих из Ассирии в Египет. По совету Фанеса Камбис заключил союз с воинственным цветом Аравии, чтобы обеспечить успех своего похода. Клятва, чей странный, почти религиозный обряд Геродот охотно сохранил, скрепила дружбу арабов и персов. Чтобы оправдать своё честолюбие и завоевание, Камбис упрекал египтян в снисходительности, оказанной ими Крёзу, его врагу, царю лидийцев. В войске персидского царя на марше был отряд ионийцев и эолийцев, знавших, как нападать на греческих наёмников, состоявших на службе у фараона Псамметиха III, и как их побеждать. Камбис в точности знал трудности своего похода, который готовил несколько лет.

В 527 (или 525) году персидское войско вступило в Нижний Египет в то самое время, когда финикийский флот, следовавший вдоль побережья, входил в Нил. Войска фараона были разбиты при первом же столкновении. Глашатай, пришедший в Мемфис, поднявшись вверх по Нилу, чтобы возвестить победу персов и вести переговоры о мире, плыл на корабле из Митилены. Сбежавшиеся толпой египтяне Мемфиса с ожесточением уничтожили судно, обломки которого были выставлены как трофей. Оскорблённые персы осадили Мемфис, который вынужден был сдаться и унизиться. Геродот, стремясь обрисовать нрав Камбиса, уже приписывает ему по случаю этой победы невероятные поступки великодушия и дикости.

Всё же, по-видимому, правда, что, овладев Египтом, Камбис хотел, как Кир в Вавилоне, привлечь к себе египтян, приняв их богов и сохранив жрецам их освящённые привилегии. Победитель лично явился в Саис, чтобы совершить обряды культа и принять посвящение в таинства.

Эфиопы, к югу от покорённого Египта, и карфагеняне на западе, страшась безумных притязаний победителя, держались с готовностью к сопротивлению. Камбис, в самом деле, замыслил идти покорять Карфаген по суше, тогда как финикийцы угрожали бы Новому городу с моря. Одновременно лазутчики, посланные в Эфиопию, должны были подготовить поход, который царь персов обещал себе предпринять с той стороны после падения Карфагена. Но финикийцы отказались действовать против карфагенян, происходящих от одних с ними отцов, и Камбису пришлось довольствоваться походом в Эфиопию. Царь эфиопов только что отослал Камбису с дерзкими словами необычных послов, которых царь персов к нему отправил.

С невероятной непредусмотрительностью Камбис выступил, направляясь к югу, ведя своё войско.

В Фивах он отделил от основных сил пятьдесят тысяч воинов, которым поручил смирить людей оазиса Амона и сжечь храм, где их боги изрекали оракулы. Затем, без дальнейших раздумий, оставив дорогу, шедшую по берегу Нила, он углубился в неизвестность, по следам недавно прошедшего каравана. Вскоре затерянный в обширной пустыне, под неумолимым африканским солнцем, Камбис метался в пустоте: его ярость истощалась в этом огромном, упорном безмолвии, и с каждым днём всё больше его воинов гибли от жажды, голода, страха.

Невидимый враг одолел владыку миров. Изнервничавшийся, обезумевший, Камбис приказал отступить, когда войско его было уже почти полностью уничтожено. В Мемфисе ждали

пятьдесят тысяч человек, которые должны были разрушить святилище Амона. Не вернулся ни один.

Вконец обезумев, Камбис мстил низко. Он велел предать смерти множество египтян и несколько персов; приказал публично бить розгами жрецов, которых сначала ласкал; своей рукой убил священного быка, бога-Аписа, находя удовольствие в смехе над этим святотатством. Всё, что Египет создал и осуществил достойного уважения или утешительного, стало мишенью гнева обманувшегося царя; он отверг законы, служившие защитой собственности; отменил проявления религиозной радости; осмелился даже коснуться культа мёртвых. Часто пьяный, Камбис безумствовал, и, поскольку натура его была злой, по выражению Иосифа Флавия, его ярость измышляла непрестанные ужасы.

В Мидии, куда дошла весть о неизлечимом безумии царя, жрецы, маги, захотели захватить власть. Две главные расы, составлявшие основу мидийской группы, смешавшись, всё же не слились окончательно. Туранцы с их грозным божеством, с их прорицателями и колдунами ещё ничего не поняли в чистой маздеистской морали, тогда как арийцы, со своей стороны, отвращались от поклонения туранским божествам, уродливым и требовательным. Маги, как искусные эксплуататоры, предпочли бога туранцев, Ахримана, и оставили бога арийцев, Ормузда, ибо первый более благоприятствовал установлению жреческой монархии. Арийцы, а следовательно, и персы, мыслители или воины, были противниками магов, которых принимали туранцы.

Камбис, завидуя своему брату Смердису, велел убить его в самом начале своего царствования. Народ в Мидии оплакивал жертву, не веря, однако, в её смерть. Магам пришла мысль объявить, что Смердис, сын Кира, жив, и маг Гаумата, выдавая себя за брата Камбиса, спасшегося от палачей, взял власть. Взбешённый Камбис тотчас покинул Египет. Ему пришлось остановиться в Дамаске, раненому, чтобы там умереть.

Маг Гаумата, лже-Смердис, опасаясь персов, — ибо приход жрецов лишал власти персидскую аристократию, до тех пор хозяйку страны, — дал несколько законов, согласных с духом Зенд-Авесты. Персы не приняли последствий обмана магов, и семеро из них, принадлежавшие к племени пасаргадов, составили заговор для низвержения жрецов. Среди семи заговорщиков главным был Дарий, сын Гистаспа.

Лже-Смердис правил неограниченно и сурово. Никто не смел разоблачить ложь, никто не осмеливался сказать что бы то ни было. Дарий повёл заговорщиков к самозванцу, который был застигнут в своём дворце и предан смерти. Когда в Мидии, Персии и других провинциях узнали о смерти мага Гауматы, тот самый народ, который терпел власть лже-Смердиса, позор отечества и древнего престола, ободрённый, освобождённый, разъярённый, принялся повсюду избивать магов. Празднование этой годовщины — магофония — стало мидийским праздником.

Заговорщики дали мидянам монархическое правление, назначив царём (521 г.) Дария, сына Гистаспа, происходившего от Ахемена через младшего брата отца Кира. Царь объявил, что ниспровергнет храмы и алтари магов в Мидии. Позднее он мог сказать: «Империю, которая была исторгнута у нашего рода, я восстановил».

Громкое падение Иерусалима и Вавилона, жалкий конец Кира и Камбиса, торжествующая дерзость мага Гауматы и воцарение Дария, обязанное заговору семерых, значительно умяли в глазах складывающихся народов значение царей. Когда Дарий был коронован, вся империя восстала. Сама Персия на мгновение притязала на независимость. Дарию, следовательно, предстояло восстановить державный престиж царя царей.

В Вавилоне тотчас по смерти Камбиса, в рабском подражание тому, что сделали маги в Мидии, некий жрец Нидинтабел взял власть, выдавая себя за сына Навуходоносора. Дарий двинулся на древний Вавилон, который нашёл готовым к сопротивлению. Геродот говорит, что халдеи Вавилона, героически, зарезали своих жён, чтобы предотвратить голод в городе,

который мидяне собирались осадить. Вавилон был взят (518 г.). Дарий, разрушив укрепления, велел распять три тысячи вавилонян. Эта жестокость устрасила восставшие народы.

«Пока я был в Вавилоне, — говорит Дарий в Бехистунской надписи, — следующие провинции стали мятежны против меня: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Армения, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Скифия».

За шесть лет (519–514 гг.), то ли сам, то ли через избранных военачальников, Дарий не только восстановил империю Кира, но и расширил её. Сузийцы, устрашённые, убили своего вождя Мартрию. Мидяне, поднятые человеком по имени Фраорт, были покараны персом Гидарном, а бежавший Фраорт, преследуемый, схваченный в Рагах, приведённый к Дарию, подвергся ужасающим увечьям: «Я отрезал ему нос, уши, язык... его держали в цепях у моих ворот; весь народ видел его; затем я велел распять его в Экбатанах, его и людей, бывших его сообщниками». В Персии, где маги короновали нового лже-Смердиса, Вахьяздату, неудача Фраорта произвела большое впечатление; воины после двух столкновений покорились полководцу Дария Артаварду, который велел изуечить и распять Вахьяздату. Арахосия, на мгновение одержавшая верх, подчинилась закону Гиана (Виваны). Сагартия, усмирённая Тахмаспадом, была поднята Ситратахой, которого Дарий изуечил и распял в Арбелах. Чтобы смирить упорных армян, понадобилось пять сражений и два войска, ведомые Дарданом и Омисом. Смерть царя Тиграна I объясняет мятеж армян, которым Дарий дал в цари Вахагна.

Новое восстание вавилонян, страстно жаждавших независимости, ведомое Араку, ложным сыном Набонида, было быстро подавлено Интаферном. Сузиана, вовлечённая в мятеж Вавилона, была покарана Гобрием, между тем как Дарий, схватившись с саками на севере, захватил их вождя Саруху и двинулся затем на Лидию, чей сатрап Орет, действуя как владыка, распространил свою личную власть на Ионию, Фригию и Самос. Окружённый стражей из тысячи воинов, прибывших из Персиды, этот сатрап своими притязаниями и жестокостями вызвал ненависть окружавших его персидских сановников, составлявших его двор. Он умер трагически, убитый собственными слугами. Он велел зарезать тирана Самоса Поликрата, предательски заманив его в Сарды. Брат Поликрата добился от Дария возвращения Самоса, и таким образом греческий остров стал исправно платить дань великому царю.

Двух сражений (517 г.) хватило Гистаспу, отцу Дария, чтобы вернуть Парфию и Гирканию в состав империи. В одном-единственном бою Дадарсес покорил Маргиану. Бактрия, на мгновение взволнованная, осталась верна Иранской империи, чьим смыслом существования она была. Мелкие царьки, владевшие землями к востоку от Инда, охотно приняли сюзеренитет Дария.

Провинции на берегах Геллеспонта — Фригия, Вифиния, Пафлагония и Каппадокия — принадлежали как наследственные владения двум из семи заговорщиков, низвергших мага Гаумату. Палестина и Финикия, Сирия и часть Аравии принимали главенство мидян.

Империя Дария простиралась, следовательно, от Инда до Средиземного моря, с островами Архипелага, и от Каспийского моря до Индийского моря, с Ираком-Араби к западу от Евфрата и с Египтом. Но эта империя существовала лишь личным престижем властителя. Дело Дария было исключительно военным; оно зависело от любой слабости, от любой неудачи, от любой ошибки.

Никакая нравственная или религиозная связь не соединяла бактрийца, говорящего на зендском, с персом, говорящим на собственном языке Ахеменидов, с ассирийцем, изъясняющимся азиатской речью, с египтянином, которому все слова стали пригодны для выражения его мыслей, но чьи мысли оставались нетронутыми; между тем как мидо-перс, соприкасаясь с азиатами повсюду, особенно в Халдее, отдавался развращающим чарам своих побеждённых. Удовлетворённый монарх становился деспотом; войско предавалось постыдным наслаждениям; народ поддавался иллюзиям успеха. Легионы рабов всех возрастов, пригодные для обслуживания прихотей самой возмутительной чувственности, загромождали лагерь и города, где бес-

спорные владыки, внезапно обогатившиеся, отдыхали от своих кровавых трудов. Среди народа даже сами отверженные, те, кто не участвовал в дележе добычи, испытывали и удовлетворяли гнусные соблазны. До нас дошёл договор той эпохи, удостоверяющий, с утверждением законных судей, товарищество персов, последователей Зороастра, созданное для приобретения и установления прав владения женщиной-рабыней, купленной за одну серебряную монету.

Авестийская мораль — отвращение ко лжи и долгам, любовь к истине и уважение к природе — сохраняется, ибо раса инстинктивно защищается; но жрец проникает, маг прокладывает путь, азиат рассчитывает на окончательную победу. Персы, на пути поспешного развращения, ещё не смеют допустить прямое вмешательство жреца перед алтарём или осквернить огонь жертвоприношения; однако они уже отказались от первоначального обряда — костра, горящего на голой земле, и возлияния хомы, которое приготавливали женщины. Теперь существуют чудовищные пиры, где братство предаётся унижительным зрелищам; право унижено до узаконения покупки или отставки наложницы; Зенд-Авеста лишь используется, смотря по обстоятельствам.

Если бы все иудеи, воспользовавшись указом Кира, покинули Вавилон, мидо-персы, быть может, избежали бы халдейского увязания. Но люди Израиля, ставшие богатыми или почтенными в Тередоне и Вавилоне, не послушались голоса пророков, и Халдея оставалась тем, чем была с самого начала, — ручьём, сточной канавой, проложенной между двумя мирами, Европой и Азией, и к которой неизбежно стекались, чтобы затем разлиться болотами, грязи, сходящиеся со всех сторон. В Вавилоне было слишком много азиатов, когда туда пришли мидо-персы, сначала с Киром, затем с Дарием, чтобы оздоравливающий арийский дух мог там проявить своё влияние. Напротив, слабый по своей сути, арийский дух должен был там увязнуть в трясине.

В Иерусалиме, куда ушли все бедные иудеи, а за ними множество чужеземцев, должно было произойти обратное движение. Новая израильская демократия, более доступная здравым мыслям, сильно смешанная с египтянами, приобрела в самом Вавилоне, от соприкосновения с иранцами, с мидо-персами, драгоценные способности, а именно — некоторое стремление к порядку, опыт безопасности, проистекающей из законов, и ручательства, которые содержит всякая мораль. С другой стороны, пророки, серьёзно готовившие создание иудейской империи, пропитанные Зенд-Авестой, восхищались её уроками. К несчастью, арийский патриотизм Исаии II оказался в руках Аггея, который думал только о вещественном восстановлении храма и вновь брал Иегову смутных времён как пугало, чтобы встряхнуть равнодушие иудеев. Рядом с Аггеем был лишь Захария, всецело преданный жрецам, желавший и проповедовавший абсолютную монархию.

Смерть Кира справедливо встревожила иудеев, вернувшихся в Иерусалим, которых окрестные народы ненавидели и которые были выданы Камбису самарийскими хуфеями как использующие предлог восстановления храма для возведения разрушенных укреплений. Смерть Камбиса избавила подозреваемых иудеев. Дарий, продолжая непредусмотрительную политику Кира, мягкого к азиатам, стал покровителем второго исхода иудеев из Халдеи, которые ушли в сопровождении тысячи всадников... под звуки музыки, барабанов, флейт, и все братья их играли.

Освящение завершённого иерусалимского храма состоялось лишь на шестом году царствования Дария (516 г.). В жертву принесли двенадцать козлов, сто быков, двух баранов и четырёх агнцев. Преобладание жреческой касты было полным. Вооружённые левиты составляли оборонительную стражу. Царская власть утверждалась в потомстве Давида. Рассеянные гробницы царей Иудеи были разысканы, собраны и торжественно перенесены в склепы Кобурэль-Молук.

Глава 8. Новый Иерусалим: как Восток породил Запад

С 529 ПО 514 ГГ. ДО Н. Э.

Иудеи и халдеи в Иерусалиме. — Восстановление храма. — Царь. — Династия Давида освящена. — Пророки Аггей, Захария, Ездра, Неемия и Малахия. — Новое переселение из Вавилона. — Арийское влияние в Иерусалиме. — Истоки христианства. — Дарий восстановил империю Кира.

ВСЯКИЙ раз, когда князья Вавилона, начиная с Асархаддона, переселяли иудеев из Палестины в Ассирию, они заменяли их в Палестине халдеями. Поэтому, когда иудеи вернулись в Иерусалим, они нашли в городе и вокруг него поселившихся чужеземцев, которые притязали участвовать в образовании новой народной, национальной общины. Халдеи, например, хотели деятельно участвовать в постройке храма, говоря: «Мы хотим строить с вами, ибо мы обращаемся к тому же богу, что и вы, и ему мы приносим жертвы с тех пор, как Асархаддон, царь Ассирии, поселил нас здесь». Зависть самаритян, недоброжелательство потревоженных соседних племён и беспокойность самих иудеев значительно задержали восстановление дома Вечного, которое пророки считали необходимым проявлением еврейского обновления.

Напрасно пророки возвышали голос, то изрыгая угрозы полным ртом, то повторяя с бесконечным очарованием сказочные обещания времён плена; глубокое равнодушие отвечало у иудеев на призывы наби. Великий гнев Аггея не производил ничего.

Захария, быть может, более пылкий, чем Аггей, но, несомненно, более осмотрительный, стремился не столько увлечь народ, сколько подчинить его. Он хотел могущественного духовенства, диктующего свои повеления послушному монарху: «Вот грядёт муж, который обретёт величие и воссядет на престоле своём как царь, и будет священником на престоле своём, и между обоими будет совет спасения». Захария сделал храм домом, в котором обитает бог: — «Радуйся, дочь Сиона! ибо Я приду и поселюсь у тебя, — говорит Вечный». — Действительное присутствие Иеговы в святилище требовало культа, как присутствие государя требует двора, обряда, священства, а следовательно, и священников.

Целью наби нового Иерусалима было основать церковь скорее, чем образовать нацию. При различиях в средствах пять великих пророков — Аггей, Захария, Ездра, Неемия и Малахия — шли к этой цели как бы по принуждению, даже когда порой хотели бы воспротивиться увлечению. Преобладание священника стало исключительным; священство было закрыто для народа, как, впрочем, и само святилище, положительно. Культ становился устрашающим обрядом: «Приносите дары ваши и приходите. Падите ниц пред Вечным! Трепещите пред Ним, все люди!»

Царь, избранный Богом, — «ибо тебя Я избрал, Зоровавель, говорит Яхве Саваоф устами Аггея», — помазан: «Не прикасайтесь к помазанникам Моим и пророкам Моим не делайте зла». Отряд вооружённых левитов охранял храм и в храме — царя: «И левиты встанут вокруг царя с оружием в руках, и всякий, кто захочет проникнуть в храм, будет предан смерти, и вы будете при царе постоянно». Династия Давида, оправданная в праве в «Хронике», была объяснена и превознесена для народа в «Псалмах». Прелестная поэма «Руфь» была придумана лишь для того, чтобы установить и упорядочить навязываемую царскую родословную.

Библия, переделанная во время пленения иудеев в расчёте на теоретический Иерусалим, подверглась новым изменениям. Каждый пророк по очереди вносил в неё свою поправку, то продиктованную срочностью, с риском привести слово Божие в противоречие с прежним предписанием, то привнесённую фантазией провидца как личное построение, с пренебрежением к прежним, записанным построениям. Поскольку каждый наби имел свой нрав и свои взгляды, Книга — в том виде, в каком мы её имеем теперь, — лишена единства и легко поддаётся спорам об истолковании.

Аггей был неистов, и его неистовство потерялось в шуме ссор. Захария, арийского склада, друг порядка, мира, покоя, но неуверенный и нерешительный, пытался примирить пред Богом гражданскую власть и власть священническую, уже враждебные друг другу. Он проповедовал, как Зороастр: «Производите суд справедливо и оказывайте друг другу милость и сострадание; не притесняйте вдовы и сироты, чужеземца и бедного; и не замышляйте в сердцах ваших беды братьям вашим!» Напрасный труд, тщетная попытка: Израиль не слушает: «Они отказались слушать, ожесточили выю и заткнули уши, чтобы не слышать». Как бы в унынии, Захария, до тех пор отдававшийся собственной природе, всё соразмерявший, повсюду искавший истину, чтобы высказать её, попытался, чтобы поразить слушателей, прибегнуть к образной риторике и в конце концов потерялся — он, столь прямой, столь последовательный, столь простой, — в лабиринтах мучительного символизма.

Природная сила речи Иезекииля, переданная Захарией с трудом, становилась на устах наби чем-то тяжёлым и тёмным. Сдерживая свою мысль, вполне откровенную, искреннюю, готовую прорваться, чтобы выразить её лишь посредством аллегории, Захария изменял своей природе и потерпел неудачу. Эта неудача Захарии была большим несчастьем.

Неемия и Ездра, пришедшие затем с преобразовательным духом, должны были констатировать неуспех Захарии и неумолимое равнодушие иудейского народа в делах религии. Они заменили господствовавшую до тех пор идею основания церкви идеей образования народа, нации, и притом по договору. Ездра переделал Закон; Неемия упорядочил общину. Речь Неемии, вся прелестная, вся естественная, арийская, возвещала Захарию без нерешительности, когда явился Малахия, который полностью изменил ход вещей.

Священство существовало, культ действовал, храм был завершён, а народ, бедный и упавший духом, обманутый, разочарованный, помнивший обещания, которые были даны и не сбылись, оставлял религиозные обязанности. Малахия, который был священником, который был азиатом и истинным иудеем, с первого же дня проявил себя как революционер — революционер обдуманный, заговорщик дальновидный, законодатель непогрешимый. Презируя народ и зная, как использовать его пороки, Малахия быстро стал хозяином. Последний из пророков Израиля действовал, можно сказать, как диктатор: больше никаких трибун, никаких публичных ораторов, никаких криков снаружи, но терпеливый труд в доме, поиск применимой истины и обнародование открытой истины, составленной формулы, Закона, без обсуждения.

Малахия прежде всего рассчитывает, и холодно, доходы культа, поступления от приношений; он обличает священников, осмеливающихся возлагать на алтарь нечистое мясо, и верующих, не боящихся приносить жрецам для жертвы животных хромых или больных. — «Принесите же это вашему правителю, — говорит пророк, — будет ли он доволен вами или благосклонно примет вас?» И он проклинает этих обманщиков во имя Вечного.

Он распоряжается этими доходами, делая обязательной доставку десятин в священные хранилища: «Принесите всю десятину в хранилище, — говорит Вечный, — чтобы была пища в доме Моём».

Восходя к преданиям, Малахия говорил от имени Моисея. Поскольку страха перед Иеговой больше не существовало, он начинает с обвинения: «Вы говорили: служить Богу — напрасно; что пользы, что мы соблюдали, что Он повелел соблюдать?..» Выказав сомнение, богохульство, Малахия возвещает кару, суд Вечного: «Да, Я приду к вам для суда, и без промедления дам свидетельство против колдунов и прелюбодеев, и клятвопреступников, и против тех, кто притесняет работника в плате, вдову и сироту, и тех, кто причиняет обиду чужеземцу, не боясь Меня».

Новые переселенцы из Вавилона приносили иудеям, которых подчинял Малахия, и самому Малахии, весьма умному, новые впечатления, полученные от соприкосновения с персами. А в это мгновение иудеи Иерусалима, укрощённые энергичным иудеем, впервые, быть может, остерегались своей самонадеянной гордыни. Их глаза открывались на зрелище соб-

ственной испорченности; они в точности измеряли узость своего ума. Вверяя Малахии, который их подчинял, заботу об устройстве, они теперь постигали, эти жестоковыйные, несносные и своекорыстные иудеи, идею обширного человечества, в котором мир Израиля занимает лишь одно место, и понимали, что в этом мире есть другие люди, мощно сплочённые, мыслящие и действующие иначе, чем они.

Иудей соглашается выслушивать и рассматривать чужие формулы; не отказываясь от своей мечты о господстве, он допускает, что это всеобщее господство сможет осуществиться лишь при условии привлечения народов, прежде чем их эксплуатировать. Настойчивое обольщение заменяет деятельную силу; показная снисходительность сменяет грубый абсолютизм; закон доброты и прощения стирает предварительное осуждение и беспощадную кару; терпение, ловкость и лицемерие становятся богословскими добродетелями священства, которое до тех пор жило лишь горячностью, дерзостью и проклятиями. Это истоки христианства.

Новый Иерусалим заимствует у персов их великий праздник Фурди; весь весёлый, весь благотворительный, и это стал праздник Пурим. Вооз приносит из Египта милосердие к мёртвым и братское приветствие во имя бога, которым обмениваются люди при встрече; и так же, как еврейский язык, язык истоков, мало-помалу изменялся, пока почти не исчез, так арийский дух проникал к этим азиатам, подготавливая будущее. Иудей вскоре стал питать отвращение к колдунам, с удовольствием слушал, понимая их, чужие литературы; и он соглашался жить в мире на своей земле, в своём городе, без того чтобы весь мир, трепеща, занимался его ссорами и преступлениями.

Великий шум в известном мире производил теперь Дарий: — «Сколько городов он взял, даже не перейдя реки Галис, не покинув своего жилища», — скажет хор старцев в драме Эсхила. — Дарий только что сокрушил все мятежи (514 г.); он держит в своей руке восстановленную империю Кира. Чтобы узаконить свою власть в глазах народов, он взял в жёны Атоссу и Артистону, двух дочерей основателя династии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.